

Тальцы•1(36)•2011

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬМАНАХ

• АРХИТЕКТУРА. ЭТНОГРАФИЯ. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА. ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Ю.П. Лыхин. Балаганский острог	3
А.Ф. Власов, М.В. Кузнецова. Символы православной веры села Голоустного и Голоустненского тракта	15
Н.Н. Михайлова. О чем помнит старинная усадьба в Иркутске	33

ГЕНЕАЛОГИЯ

Л.Н. Лузгина. Осинская долина. Деревня Лузгина	45
М.И. Грудинин. Село Грудинино — моя малая родина	58

ВОСПОМИНАНИЯ

Т.И. Парникова. «Деревня моя, деревянная, дальняя...»	69
--	----

У НАС В ГОСТИХ

Л.В. Мясникова. Иркутский областной краеведческий музей	77
--	----

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ

М.Л. Ометова. Памятники села Бельск в АЭМ «Тальцы»	84
---	----

НОВЫЕ КНИГИ	93
--------------------------	----

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Дулов. Книга о Московском тракте	95
--	----

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

Полина Сандр. Осколки	102
------------------------------------	-----

НА ДОСУГЕ

Средства народной медицины	105
---	-----

Редакционная коллегия: Р.В. Агапитова, канд. филол. наук Г.В. Афанасьева-Медведева, Н.Н. Красная, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин, канд. культурологии В.В. Тихонов

Редактор-составитель номера: Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Подготовка к печати: ООО «Репроцентр А1»

Адрес редакции: Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8-3952) 24-31-82, факс (8-3952) 24-31-46, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

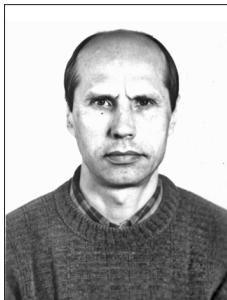
- С. 1 — Иркутский областной краеведческий музей (к статье Л.В. Мясниковой)
- С. 2 — Иркутский областной краеведческий музей, отдел истории (к статье Л.В. Мясниковой)
  - Презентация музеяного комплекса «Окно в Азию». Фото В. Гуляева, 2011 г. (к статье Л.В. Мясниковой)
- С. 3 — Молебен в Бельской Сретенской церкви. Фото Ю. Лыхина, 2007 г. (к статье М.Л. Ометовой)
  - Усадьба «сотая» в музее «Тальцы». Фото В. Тихонова, 2011 г. (к статье М.Л. Ометовой)
- С. 4 — В отделе истории Иркутского областного краеведческого музея (к статье Л.В. Мясниковой)

Подписано в печать 02.06.2011 г. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Тираж 500 экз. Заказ № 00000. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2, тел. 540-940.

БАЛАГАНСКИЙ ОСТРОГ

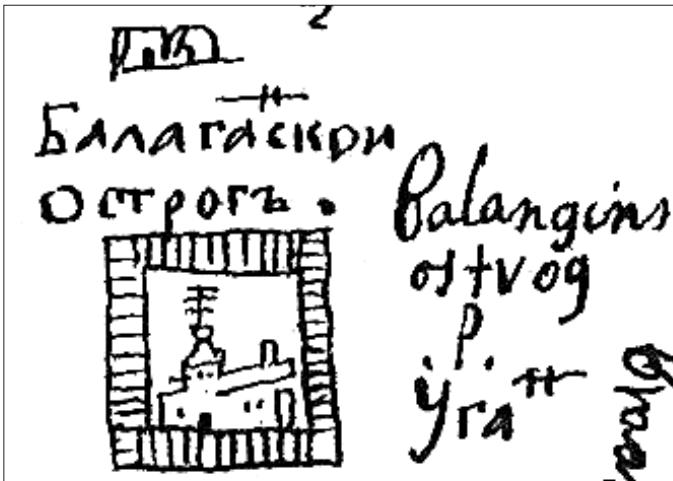

*Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

В первой половине XVII века продвижение русских от Енисея на восток, в сторону озера Байкал, было осложнено серьезным со противлением «брацких людей», обитавших в верхнем течении Ангары. С целью покорения и объясачивания «немирных» бурят русские были вынуждены поставить целый ряд острогов. Первым из них стал Братский острог (1631 г.) — форпост, из которого пошло наступление на бурят. И лишь через 23 года появился Балаганский острог, строительство которого закрепило пребывание русских в Приангарье.

Однако у Балаганского острога имелся предшественник — Осинский острог. Он был построен в 1646 году енисейским сыном боярским Иваном Похабовым на середине пути от Братского острога до Байкала. Похабов был отправлен на Ангару, когда объясченные буряты вокруг Братского острога «почали быть непослушны и государев ясак почали давать несполна». На их усмирение и «для приску новых землиц» из Енисейска и был послан отряд из 96 вооруженных людей во главе с И. Похабовым. В своей челобитной в Сибирский приказ с описанием походов 1644–1647 годов Похабов писал: «И пришел я, холоп твой, в Братцкую землю, на Ангаре реке на Осинском островку острог поставил выше братцких ясачных людей осмью дни, и те новоприисные люди аманатов и ясаку с себя тебе, государь, давать не учали, и я, холоп твой, с теми людьми бился и многих людей у них по Осе реке побили» (16, с. 134).

Осинский острог, имевший четыре башни, мерою кругом 80 сажен с полусаженью, оказался в центре враждебной территории — «середи брацких больших людей». Аманатов в нем не было, и ясак буряты в него не платили. В 1647 году, «как лед скрылся»,

*Балаганский острогъ. Фрагмент чертежа
С. Ремезова. 1701 г.*

И. Похабов отправился по Ангаре в дальнейший поход, на озеро Байкал и на реку Селенгу. В Осинском остроге он оставил 17 человек служилых (4 казака и 13 наемщиков из «охочих» людей) без толмача. Осенью того же года один казак и три казачьих наемщика бежали из острога. Остальные зазимовали там, живя впроголодь: «ели борщ и сосну и пихту дерево и помирали голодной смертью». Окружавшие острог буряты не давали им промышлять рыбной ловлей, ограничивая свободу передвижения. Весной 1648 года положение еще более ухудшилось. Сбежало еще девять наемщиков, а острог оказался фактически в осаде: «Почали братские люди к острожку приезжать и безприступно в острог из луков по них стрелять, и по борщ и по сосну и по пихту дерево, чем им кормитца, из острожку не выпущать, и от острожку братские люди беспрестанно не отъезжать почали» (13, с. 86).

В этих условиях последние четыре человека покинули острог, забрав с собой в карбасе «затинную» пищаль, 74 железных ядра и другое оружие и снаряжение. Оставшийся пустым Осинский острожек был дотла сожжен бурятами.

В ходе дальнейшей борьбы буряты вынуждены были покориться натиску русских. В 1654 году сыном боярским Дмитрием Фирсовым с енисейскими служилыми людьми практически на том же месте, где находился Осинский острог, на левом берегу Ангары в шести верстах выше устья реки Унги, возле Осинского острова был поставлен новый, Балаганский, острог. В отписке енисейско-

го воеводы Афанасия Пашкова в Сибирский приказ о постройке Балаганского острога сообщалось следующее: «В нынешнем же году, во 162 [1654] г. в мае и в юнле месяцах, милостию, государь, божию и твоим государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии счастьем, по твоему государеву указу, пришел он, Дмитрей, по Ангаре реке промеж Осинского острова и Унги реки, розыскав самое угожее крепкое место против немирной братцкой Балаганской земли людей, поставил твой государев новой Балаганской Братцкой острог и около тово острога рвы велел выкопать и надолбы поставить и всякие острожные крепости учинил. Да к тому же, государь, твоему государеву новому Балаганскому острогу тое большия Братцкие земли лучших князцов Бодока да Лалага да Муруева улусу князца Инкея и их улусных людей 1 700 человек под твою государеву царскую высокую руку и к шерти привел, что им быть под твою государевою царскою высокую рукою в вечном холопстве неотступно» (16, с. 200).

Приведение других немирных бурят под «государеву царскую высокую руку» и сбор ясака с них было следующей задачей Д. Фирсова после строительства острога, к чему он немедленно и приступил: «Да они же, государь, сын боярской Дмитрей Фирсов из тово твоево государева новово Балаганского острога послал от себя служилых людей в дальние улусы тое же большия Балаганские земли по рекам по Осе и по Белой и по Иркуту и до Байкал озера и велел достальных князцов и их улусных людей по тому же под твою государеву царскую высокую руку приводить. А в той де, государь, во всей твоей государеве новоприводной Балаганской Брацкой земле князей и их улусных людей под твою государевою царскою высокую рукою будет больши 10 000 чел., и оприч, государь, тех братцких балаганских людей и до Байкал озера немирных земель людей не будет никово, и за помочью, государь, божию все будут под твою государевою царскою высокую рукою в вечном холопстве неотступно <...>» (16, с. 200).

Одновременно Фирсову вменялось в обязанности поселить в новом остроге несколько десятков семей «государевых новопашенных крестьян», выбранных в Енисейском остроге «из ссыльных лучших людей», которым пашенное дело было «за обычай». И эту задачу Фирсов выполнил: «Да к тому же, государь, твоему государеву новому Балаганскому острогу он же, сын боярской Дмитрей Фирсов, поселил твоих государевых новопашенных крестьян 30 семей, и те твои государевы крестьяне и наемные гулящие люди взорали на тебя, государя, и, аже даст бог, поселяют ко 163 г. 30 десятин рожью. А в нынешнем, государь, во 162 г. послал я [Афанасий Пашков], холоп твой, из Енисейского к нему же, Дмитрею Фирсову, выбрать из ссыльных же лучших людей 35

Герб города Балаганка, 1775 г.

ма без тягловой силы. Поэтому распоряжением енисейского воеводы им были отправлены лошади, для чего пришлось искать сухопутную дорогу: «Да из Енисейского, государь, к тому же твоему государеву новому Балаганскому острогу розыскал я, холоп твой, посылкою своею сухой путь конною ездою и в нынешнем, государь, во 162 г. весною послал я, холоп твой, в тот же твой государев новой острог твоим государевым новопашенным крестьянам, которые посланы из Енисейского, в нынешнем во 162 г. твоих государевых 42 лошади» (16, с. 201–202).

Кроме того, продуманы были и другие важные моменты обустройства первопоселенцев на новом месте, в частности строительство мельницы и выварка соли: «Да к нему ж, государь, Дмитрею послал я, холоп твой, для мельничного строения двои жерновы и всякие мельничные снасти, да соловара для соляного опыта. А от тово, государь, мельнично дела прошли уговорщики в Енисейском 500 рублей денег, что им итить из Енисейского в тот твой, государь, новой Балаганской острог и сделать твою государеву мельницу двоими жерновами. И в твоей государеве Енисейской казне денег мало и дать было им за то твое государево мельничное дело нечево, и я, холоп твой, по твоему государеву указу послал из Енисейского доброво мельника и дал ему твое государево жалованье 15 рублей денег, да твоих же государевых всяких хлебных запасов 15 чети, а велел, государь, сыну боярскому Дмитрею Фирсову к тому твоему государеву острогу на Уньге реке построить твою государеву мельницу енисейскими служилыми людьми и ясашными крестьяны без найму. И на Осинском,

семей и велел их поселить к тому же твоему государеву новому Братцкому Балаганскому острогу и пахать на тебя, государя, и сеять рожь безо льготных лет» (16, с. 201).

Кроме посланных «в обеих посылках» 65 семей, следующую партию новопашенных крестьян енисейский воевода предполагал отправить в Балаганский острог весной 1655 года, после того как в Енисейск прибудут новые ссыльные из Тобольска.

Задача обзаведения пашней для первопоселенцев Балаганка была бы невыполнимой

государь, острову велел соловару варить на тебя, государя, соль. И во 163 г. же, даст бог, весною велел взорвать и посеять твоими государевыми новопашенными крестьяны и наемными людьми 60 десятин рожью» (16, с. 201).

Помимо соли в окрестностях острога нашлись и залежи железной руды, которые с давних времен разрабатывались бурятами. В связи с этим в 1655 году из Енисейска в Балаганский острог были посланы плавильщик и кузнец, «кои свою работу с добрым успехом производили» (21, с. 542).

Так началась история Балаганского острога, подчинявшегося в первоначальный период Енисейскому воеводству. Название же новый острог получил по имени обитавшего в тех местах бурятского племени булагатов (21, с. 540–541; 12, с. 23). Поскольку по Ангаре в бурятских землях было поставлено два острога, сначала новое укрепление часто называлось Верхним Братским Балаганским острогом в отличие от Нижнего Братского.

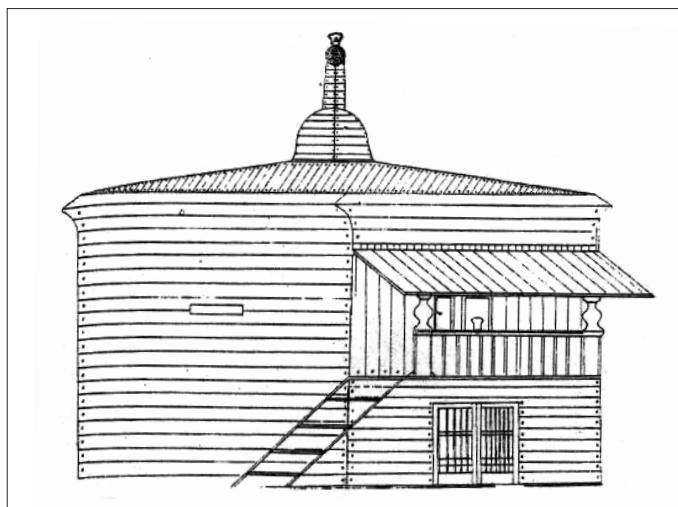
В первые годы существования Балаганского острога отношения между русскими и местным коренным населением оставались весьма непростыми и порой доходили до прямых столкновений. Наиболее сильно это проявилось в то время, когда в 1657 году «в Братцкие в Нижней и в Верхней Балаганской остроги» на службу для «ясачного збору и прииску и приводу новых немирных земель людей» (16, с. 219) во главе 100 служилых людей был послан Иван Похабов. Служба И. Похабова, имевшего, как писалось в документах того времени, «сердитый нрав», отличалась жестокими притеснениями всего местного населения (не исключая служилых и новопашенных крестьян). Вот что сообщалось, например, в челобитной ясачных бурят, поданной в 1658 году в Енисейск о злоупотреблениях Похабова: «...тот Иван Похабов чинил нам великие обиды и всякие насильства и во всем изгоняет и утесняет и жен наших и детей емлет к себе на постелю сильно для блуда и нас ясачных иноземцов бьет и мучит и животы наши грабит и всякими же страстью угрожает, а как мы с тое боязни принесем к нему, Ивану, <...> соболи и бобры и лисицы добрые и черные, и тот Иван те соболи и бобры и лисицы, похватя у нас нечесно, мечет под порог, а говорит нам: С чем де вы ко мне пришли на поклон и кому те соболи или лисицы годны? Приезжайте де вы ко мне с женами своими и везите де соболей по десяти, а перед де сего наша братья приезжали к вам хуже меня и вы де им приносили на поклон соболей по сороку и больше, а соболей де вы прежде меня отнюдь никому служилым и иным никаким людем не продавайте. А которые лисицы мы, иноземцы, приносили платить в твою государеву казну ясаком и тех Иван, притетався к нам без-

дельным умыслом, и те лисицы у нас имал себе в корысть, а не в твою государеву казну» (16, с. 213).

И два века спустя сохранялись в памяти народа воспоминания о том, как страшный хан Багаба (Похабов) «мыл водою», то есть крестил объясченных бурят. Для казаков это было своеобразной потехой. Просекали во льду Ангары прорубь, к которой сгонялись толпы бурят. Казаки связывали их по два-три человека вместе, прикрепляли эту вязанку к середине длинной жерди, брались за концы и по команде трижды погружали людей в ледяную воду (18, с. 180).

Многочисленные злоупотребления И. Похабова и его ближайшего окружения, их алчность, вымогательства и жестокость привели бурят к восстанию и к перекочевке в «Мунгальскую землю»: «...во 166 [1658] г. в июне месяце Братцких Нижнево и Верхнево Балаганского острогов князцы и своими улусными людьми тебе великому государю изменили и от братцких острогов прочь откочевали в Мунгалы и толмача Ивашка Байкала да служилого человека Якимка Васильева убили, а иных ранили и ясаку с себя тебе великому государю впредь платить не хотят, и он де, Иван [Похабов], от братцких людей сидит в осаде» (16, с. 219–220).

Массовое бегство балаганских бурят продолжилось и в 1659 году. Позже стало известно, что они «отбежали» за Байкал на Се-

*Башня Балаганского острога.
Чертеж А.Е. Разгильдеева. 1870 г.*

ленгу, в район устья Чикоя. Степь у Балаганского острога опустела, ясак собирать стало не с кого. Балаганск почти лишился ясачного дохода, хотя прежде в нем собиралось более 20 сороков соболей ежегодно (21, с. 543).

В результате этих событий распоряжением енисейского воеводы Максима Ртищева Похабов был смешен со своей должности управителя Братских острогов: «И я, холоп твой, по твоему великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца указу и по челобитью енисейских служилых людей и братцких ясачных князец и их улусных людей и пашенных крестьян, послал из Енисейского в те твои великого государя Братцкие остроги на перемену Ивану Похабову енисейских детей боярских Якова Тургенева да Ивана Максимова да с ними енисейских служилых людей 150 чел. и велел им, прося у бога милости, Братцкие остроги из осады выручить и пашенных крестьян сберечь и братцких князец и их улусных людей под твою великого государя царьскую высокую руку в вечное холопство и в ясачной платеж по-прежнему привесть и вновь немирных и неясачных братцких людей призывать ласкою и приветом» (16, с. 220).

Военное значение Балаганского острога продолжало сохраняться и после этих событий. Известно, что летом 1668 года Балаганскому и Верхоленскому острогам грозило нападение монгольского Сенгун-тайши «с большими воинскими людми», пришедшими «из за Камени» (из-за Саян). Годом раньше его же люди приходили «войною под Красноярской острог, и служилых людей побили и деревни повоевали» (7, с. 380). Однако чем закончилось дело на сей раз, осталось неизвестно.

К 1675 году относится весьма краткое описание Балаганского острога, сделанное русским послом в Китай Николаем Спафарием. В своих путевых заметках по Сибири он писал: «На правой стороне (по направлению пути Спафария. — Ю. Л.) острог Балаганской. А стоит при берегу реки Ангара. А служилых людей,

*Башня Балаганского острога.
Фото П.П. Хороших, 1925 г.*

казаков с 20 человек, да два двора пашенных крестьян. А церкви в остроге нет. А острог зело мал.

Да в Балаганском же остроге взяты во аманаты из лучших людей из Тунгусов и из Братов по 2 человека для того, чтоб Великому Государю Тунгусы и Братья не изменили.

А против острога, на левой стороне степь» (15, с. 112).

В самом остроге, как указал Спафарий, находилось лишь два двора пашенных крестьян. Основная же масса крестьян, естественно, расселилась за стенами острога и на противоположному берегу Ангары, где в нее впадала река Уда — «по ней живут пашенные крестьяне и брацких юрт много» (15, с. 111).

В 1686 году Балаганский острог был выведен из подчинения Енисейску и приписан к Иркутску, который, став центром самостоятельного воеводства, получил статус города (10, с. 18–19).

В начале 1734 года в Балаганском остроге побывал участник Второй Камчатской экспедиции И.Г. Гмелин, который записал в своем дневнике: «Этот острог еще до постройки Иркутска был заложен в виде четырехугольника... В нем имеется канцелярия, дом приказчика, несколько хижин, церковь и две металлические пушки. Вне острога в сторону суши имеется около 60 домов, заселенных отчасти служивыми, отчасти купцами; и это довольно видные дома с высокими окнами и светлыми комнатами. Купцы имеют хороший достаток. Так как летом многие купцы прибывают сюда по пути в Иркутск, недалеко от реки построен дом, где несколько лавок, которые, однако, сейчас заперты и их открывают только тогда, когда проезжающие купцы хотят торговать» (8, с. 159).

В 1775 году в ходе нового административного устройства Сибири Балаганский острог получил статус города в Иркутском наместничестве, с учреждением в нем воеводской канцелярии. 13 марта 1777 года был утвержден герб города Балаганска. Он представлял собой «щит, разрезанный горизонтально чертою надвое, верхняя часть золотая, с выходящим до половины российским императорским двоеглавым орлом, увенчанным тремя золотыми коронами; нижняя часть [зеленая] с тремя [треугольными] шляпами, каковые братская носят, изъявляя сим полевое обитание окружных жителей и что тут собирали с ясашных подать» (14, с. 76; 6, с. 139).

В 1775 году история Балаганского острога как населенного пункта заканчивается и начинается история города Балаганска. Острог же как фортификационное сооружение хотя и продолжает еще сохраняться, но дальнейшее его существование — это история постепенного разрушения под воздействием неумолимого времени.

Суммируя известные на сегодня описания того, как выглядел Балаганский острог, сказать можно совсем немногое. Стоявший на самом берегу Ангары острог был очень небольшим по размерам («зело мал»). Четырехугольный в плане, он имел «всякие острожные крепости» (палисад и башни?), был окопан рвами и укреплен надолбами. Вот, собственно, и все.

Не сильно проясняет вид острога и «Чертежная книга Сибири» Семена Ремезова (1701 г.). Схематичное изображение Балаганского острога, выполненное на чертеже земли Енисейского города, представляет его в виде квадратной замкнутой ограды, без башен, с единственной постройкой внутри стен — церковью* (22, л. 14).

В результате сегодня мы не можем сказать даже, сколько башен было в остроге.

В последней четверти XVII века военное значение Балаганского острога еще продолжало сохраняться, однако в XVIII веке оно было совершенно утеряно. Более того, построенный в середине столетия Московский почтовый тракт оставил Балаганск в стороне от магистрального пути, а это отрицательно сказалось на дальнейшем развитии острога и, после, города. К 1792 году Балаганский острог утратил палисад, которым был когда-то обнесен. В «Описании Иркутского наместничества» отмечалось, что его «ныне почти совсем неприметно» (14, с. 76). А к 1870-м годам от острога осталась одна «старая башня в виде четырехугольного сруба с подъездом (проездом? — Ю. Л.) и с отверстиями для стрельбы» (17, с. 49).

Еще до 1870 года бывшая проезжая острожная башня была в какой-то степени перестроена, обшита тесом (это видно на чертеже, выполненном в 1870 г. архитектором А.Е. Разгильдеевым) (1, л. 245) и включена в ограду двухэтажной каменной Балаганской Спасской церкви (с 1872 г. — собор). Имея проход внизу, башня превратилась в церковные ворота, находящиеся с восточной стороны от храма (1, л. 242; 11, с. 5). С уличной стороны над воротами, на втором ярусе башни, находилась старинная икона Христа Спасителя «с благословляющей правой рукой и с раскрытым Евангелием в левой», которая, по преданию, была принесена в Балаганск первыми казаками (1, л. 242 об.; 2, л. 19; 9, с. 99). По обеим сторонам иконы располагались скульптурные изображения ангелов (2, л. 19). В результате всего этого башня стала выполнять роль надвратной часовни у собора, что, впрочем, нисколько

* Когда была построена первая Балаганская Спасская церковь, точно неизвестно. В 1675 г., во время пребывания в Балаганске Спафария, ее еще не было, но в 1690 г. она уже стояла в остроге (20, с. 518).

не противоречило одной из ее исторических функций. Согласно известным изображениям Балаганской башни над ее проходом изначально располагался выступающий консольный балкончик на всю ширину башенной стены. Такие балконы устраивались казаками-первопроходцами с внешней стороны острожных проездов башен и имели как оборонное назначение, так и культовое. Помещенная над воротами в острог икона, своей святостью оберегавшая укрепление от врагов, превращала балкон в часовню «на свесе». Подобные часовни до возведения настоящих церквей в острогах служили местом отправления духовных надобностей первопоселенцев.

Во второй половине XIX века башня являлась уже столь древним памятником, что в памяти народной стало стираться ее первоначальное назначение. Автор выполненного в 1870 году «Описания памятников древности, находящихся в Иркутской губернии» оперировал двумя разными, исключавшими друг друга, народными преданиями о Балаганской башне. Первое из них гласило, что она была построена боярским сыном Дмитрием Фирсовым с казаками, воевавшими с бурятами. Однако эта версия вызывала у автора сильное сомнение: «означенная башня, по своему устройству, не могла служить никакою защитою во время военных действий». Более вероятным признавалось другое предание, свидетельствовавшее о том, что «башня эта построена на месте сгоревшей деревянной церкви» (1, л. 242 об.).

С этим мнением был готов согласиться и никогда не видевший Балаганскую башню Н.В. Султанов, опубликовавший в 1907 году работу об Якутском остроге и рассматривавший другие сохранившиеся к XX веку памятники острожного строительства в Сибири. В то же время он признавал, что «часовня эта действительно очень похожа на нижнюю часть острожной башни, но во всяком случае крайне пострадала от перестройки» (19, с. 150). Однако те из современников, кто в действительности видел и внимательно рассматривал Балаганскую башню (П.А. Ровинский, иеромонах Мелетий, В.И. Вагин), не сомневались в принадлежности ее к острогу (17, с. 49; 11, с. 5; 2, л. 18 об.–19).

С превращением острожной башни в церковные ворота ее судьба оказалась связана с судьбой Балаганского собора, памятника архитектуры конца XVIII века. В первые годы советской власти, в 1925 году, было принято постановление Иркутского губисполкома об учете и охране памятников старины, искусства и природы (3, л. 103–103 об.). В список из 52 подлежащих охране памятников был включен и Балаганский Спасский собор (4, л. 3). Как раз к этому времени относится фотография Балаганской башни, сделанная П.П. Хороших. Однако внесение в список памятни-

ков не спасло Спасский собор от гибели, в 1932 году он был разрушен до основания (5, л. 19). Надо думать, что тогда же вместе с собором были разрушены и церковные ворота.

Вскоре после гибели Балаганского собора и последнего остатка острога закончилось существование на первоначальном месте самого Балаганска. Во второй половине 1950-х годов в связи со строительством Братской ГЭС и заполнением водохранилища Балаганск был перенесен на 45 километров вниз по Ангаре. Ныне на былое место расположения Балаганского острога, скрытое водами рукотворного моря, указывает лишь село Малышевка, находившееся на противоположном от старого Балаганска берегу Ангары.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

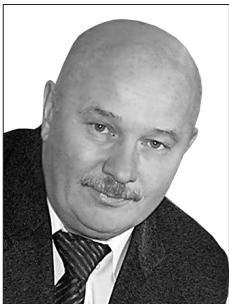
1. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 9. Циркуляры Министерств внутренних дел и путей сообщения... Описание памятников древности, находящихся в Иркутской губернии, с приложением чертежей. 1869–1872 гг.
2. ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 28. Вагин В.И. Приангарские впечатления. Путевые заметки. 1886 г.
3. ГАИО. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 766. Постановления Иркгубисполкома. 1925 г.
4. ГАИО. Ф. р-145. Оп. 1. Д. 768. Постановления Иркгубисполкома об учете и охране памятников старины, искусства и природы. 1925 г.
5. ГАИО. Ф. р-3161. Оп. 1. Д. 1а. Материалы по охране памятников архитектуры. 1944–1946 гг.
6. Борисов И.В., Козина Е.Н. Геральдика России. М.: АСТ: Астрель, 2006.
7. Дополнения к Актам историческим. СПб., 1853. Т. 5.
8. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
9. Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1913. Вып. 50.
10. Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск: Очерки по истории города. Иркутск, 1971.
11. Мелетий. Первое архипастырское и миссионерское путешествие Преосвященнейшего Вениамина, епископа Иркутского и Нерчинского, по Ангаре и ее притокам // Труды православных миссий Иркутской епархии. Иркутск, 1885. Т. 3.
12. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1969.

13. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов XVII–XVIII вв. Л., 1937.
14. Описание Иркутского наместничества 1792 г. Новосибирск, 1988.
15. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. СПб., 1882.
16. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ, 1960.
17. Сообщение г. Ровинского о поездке его по Ангаре и Лене // Известия СОИРГО (Иркутск, 1871). Т. 2. № 3.
18. Стуков. О происхождении северо-байкальских бурят вообще и тункинцев в особенности. (По чисто народным легендарным преданиям) // Памятная книжка Иркутской губернии 1881 г. Иркутск, 1881. Отд. II.
19. Султанов Н.В. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1907. Вып. 24.
20. Фивейский. Краткие сведения о возникновении Балаганска и открытии в нем самостоятельного прихода // Иркутские епархиальные ведомости. 1908. 15 сентября (№ 18).
21. Фишер И.Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
22. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

СИМВОЛЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ СЕЛА ГОЛОУСТНОГО И ГОЛОУСТНЕНСКОГО ТРАКТА (К ПРОЕКТУ РЕЛИГИОЗНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ЭКСКУРСИИ)

*Александр Федорович
Власов,
старший преподаватель
Иркутского государственного
лингвистического
университета*

*Марина Валерьевна
Кузнецова,
кандидат исторических наук,
доцент Иркутского
государственного
университета*

г. Иркутск

Кратким путем на побережье озера Байкал можно доехать из Иркутска по Байкальскому тракту в ближайший прибрежный поселок Листвянка, откуда вы попадете в порт Байкал и на станцию Кругобайкальской железной дороги. Качугский (Якутский) тракт вас приведет на побережье пролива Малое Море, остров Ольхон и на северную оконечность Байкала. Култукский тракт ведет на южную оконечность Байкала, в город Байкальск и в Бурятию. А вот Голоустненский тракт — это одна из четырех дорог, ведущих к Байкалу, которая может претендовать на старшинство и которая несправедливо забыта в поколениях.

Голоустненский тракт является тупиковым, то есть заканчивается на берегу Байкала, и имеет наименьшую интенсивность движения автомобилей. По расстоянию и времени в пути поездка из Иркутска в Большое Голоустное (112 км в одну сторону) сопоставима с автомобильной прогулкой в Листвянку: можно уехать

утром, а вечером вернуться. Но по качеству дороги Голоустное проигрывает; дорога асфальтирована до 32-го километра, а 80 километров езды по гравийной дороге, хоть и хорошо укатанной, но в летнюю пору очень пыльной из-за встречных и обгоняющих машин, заставляют горожан отдать предпочтение Листвянскому тракту. С появлением дороги с твердым покрытием Голоустненский тракт может стать популярным.

Эмоциональное восприятие ландшафта здесь острее, перемена зрительного плана динамична и неожиданна, разнообразен и живописен пейзаж. Подъем на два горных перевала и пересечение границы байкальского водораздела, быстрая смена таежных красот, плитняковые скалы, пересечения горных рек и ручьев, неожиданно возникающие открытые пространства луговых полян придают авантюрное настроение путешественнику, которое сохраняется до самого побережья озера. Исторические поселения на тракте и тема эволюции человеческого присутствия здесь заостряют контрастами, и не всегда положительными, восприятие мира природы. Памятники православной духовности и культуры во многом сглаживают отношения человека с природой.

Первый поселок на трассе — Пивовариха — начинается на 4-м километре. Большую территорию села занимают городские коттеджи, а на въезде в село построена новая церковь. И не случайно... В лесу за Пивоварихой находится зловещее место — бывшая спецзона ГБ-УНКВД, страшное место казни людей, репрессированных в 1936–1938 годы. По всей площади лесного лагеря в рвах-накопителях и в отдельных ямах покоятся останки расстрелянных сибиряков. Теперь здесь расположен Мемориал жертвам сталинских репрессий. Поклонные кресты Голоустненского тракта начинаются отсюда.

За Пивоварихой тянутся поля и лесные массивы с многочисленными садоводствами горожан. На 14-м километре встречается деревня Худяково. Сейчас это маленький хутор, но в XIX веке это была деревня, связанная на какое-то время с деятельностью Вознесенского монастыря. 6 июня 1849 года помимо казенного содержания монастырю царским правительством было дополнительно отведено еще 120 десятин земли на правом берегу реки Ушаковки в урочище Худяковском в 20 верстах от Иркутска. Здесь распахиваются новые поля, устраиваются покосы и пасеки.

В конце XIX – начале XX века урочище Худяковское служило охотничими угодьями (одной из охотничих дач) Общества сибирских охотников. Шкура медведя считалась самой ценной добычей. Особенно такого медведя, как писали местные газеты, который был добыт в селе Худяково: «Здесь в берлоге убит мед-

ведь весом 12,5 пуда, а длина его шкуры составила 12 четвертей» (200 кг и 3 м).

Деревня Худяково известна своими родниками у подножья горы Веселой. Если на 15-м километре перед лесом повернуть направо и проследовать грунтовой дорогой вдоль поля примерно около 1,5 километра, то в лесу откроется живописная поляна, где из-под горы бьет мощная струя родниковой воды. Анализ воды показал, что она содержит ионы серебра, что благотворно воздействует на организм. В выходные дни горожане часто приезжают сюда попить из источника и взять воды с собой. Над срубом источника возвышается поклонный православный крест.

На 25-м километре тракта встречается еще одна маленькая деревушка — Поливаниха, которая стала фактически дачным поселком.

Асфальтированная дорога заканчивается на 32-м километре, где на правой стороне внизу по обширной поляне вдоль берега Ушаковки растянута на добрый километр деревня Добролёт. Название поселение получило во времена советской власти. В 1920-х годах здесь располагался аэродром общества «Добролёт», но позже он стал не нужен, и его забросили. Эта светлая просторная долина вдоль реки Ушаковки после войны была свидетелем мытарств и голодных мучений японских военнопленных, для которых здесь

Голоустненский тракт. Деревня Худяково

Деревня Добролёт

был организован лагерь НКВД. Старожилы рассказывают, что голодные японцы вылавливали змей, варили и ели их, называя «горной рыбой». Достопримечательностью Добролёта является карстовый родник.

Деревня Горячие Ключи, центр когда-то процветавшего леспромхоза, остается в стороне, и на 48-м километре дорога уводит нас вверх. Это начало подъема на вершину водораздела Ангарского и Байкальского бассейнов. За перевалом все ручьи и реки устремляются к Байкалу.

56-й километр — вершина перевала, где находятся пост местного лесничества и поклонный крест.

Обычай устанавливать кресты вне храма — давний. Он пришел на Русь вместе с христианством. По преданию, первый поклонный крест на русской земле установил апостол Андрей на Днепре. Животворящий, как говорят православные, крест показывал, что путь освящен и безопасен. У креста можно было остановиться, передохнуть, помолиться. Он также служил ориентиром для путников. После революции 1917 года кресты исчезли. Но теперь их вновь стали устанавливать с напоминанием о духовном величии России, связанном с православием, о национальных корнях русской культуры.

После спуска с перевала, на 70-м километре, взору открывается красивая треугольная долина, где в реку Голоустную впадают две речушки с древними эвенкийскими названиями Экорлик и Урунтин. В устье слияния рек, у Онотской возвышенности, которая тянется вдоль Приморского хребта, расположено уютное село Малое Голоустное со своей малой историей. Около ста лет назад русские переселились на 50 километров дальше от берега Байкала вверх по реке Голоустной. Они основали деревню Тарбеевку (по фамилии главы семейства Тарбеева). В 50-е годы XX века здесь появился леспромхоз, который по Голоустной сплавлял лес на побережье Байкала, где сооружались плоты и водой доставлялись в порт Байкал и Слюдянку. Часть жителей Тарбеевки стали работать в леспромхозе, так и появилось село Малое Голоустное.

**Поклонный крест на 56-м км
Голоустненского тракта**

Мечтой сельчан является постройка храма в селе. Если на берегу Байкала в Большом Голоустном деревянный храм уже восстановлен, то жители Малого Голоустного только прилагают усилия для постройки своей церкви. Местный житель Александр Тарбеев, пребывая долгое время на чужбине, дал себе слово по возвращении домой построить церковь. Он стал инициатором сбора денег на строительство храма, но пожертвований сельчан на святое дело далеко не достаточно. Люди верят, что церковь будет в центре села, и напротив школы искусств установлен деревянный крест, определяющий место строительства будущей церкви, посвященной преподобному Серафиму Саровскому. Местная администрация поддерживает инициативу, но, испытывая финансовые трудности, видит решение многих проблем в развитии туризма и строительстве дорог и рассчитывает на отчисления в бюджет села.

На выезде из села, на 73-м километре слева, бросается в глаза одинокая скала, поросшая на макушке лесом. Это гора Шаманка, сакральное место местных бурятских родов — готовов. На вершине утеса — священная поляна, где шаманы общаются

Село Малое Голоустное

с духами. Раньше здесь постоянно проводились молебны-тайлаганы.

Дорога следует берегом реки Голоустной, которая берет свое начало с северного склона Приморского хребта. Исток Голоустной находится высоко в горах и всего лишь в 6 километрах от берега Байкала, напротив прибрежной пади Харгин. Затем река делает большую петлю по тайге, чтобы вернуться к озеру и отдать ему свои воды. Общая длина реки — 125 километров, и дорога к Байкалу по нескольким мостам пересекает Голоустную. Река является нерестовой: в апреле—мае по ней на нерест идет из Байкала хариус, ленок.

По-бурятски имя реки звучит как Идин-Гол. Ее воды пополняют многие горные ключи и речки: Нюрюджига, Байликан, Мелукта, Булунчук, Урунтин, Кунгин, Купкола, Зунгут и другие. Звучные эвенкийские названия речек и ручьев говорят о том, что до XVI века, то есть до прихода в эту местность бурят, здесь селились эвенки. В долине реки Голоустной в царское время находились стойбища эвенков, которых русские прозвали тунгусами. Они даже какое-то время соседствовали с русскими и бурятами на территории села Голоустного. Но одни стойбища вымерли от эпидемий, другие эвенкийские семьи, имея страсть к независимой жизни на таежных просторах, ушли на берега Лены.

После первого пересечения по мосту реки Голоустной дорога уводит нас влево вверх на второй перевал отрога Приморского хребта, чтобы привести опять вниз к реке. Поклонный крест указывает на пик перевала (конец 87-го км) и начало спуска к Байкалу с крутыми поворотами. В конце спуска, на 95-м километре, — развилка с правым отворотом в таежную падь Кочергат. Укрытая в лесу, на берегу реки вытянутая в падь, расположена деревня Нижний Кочергат. В глубине пади за деревней начинаются таежные охотничьи угодья Иркутской сельхозакадемии.

Вторая переправа через реку (103-й км) называется Шантуевский мост. Здесь на обоих берегах реки располагаются турбазы, и одна из них отстроена в бурятском стиле с бревенчатыми шестигольными юртами, покрытыми сверху дерном.

После третьего (108-й км) и четвертого (111-й км) мостов через Голоустную мы наконец въезжаем на просторы речной дельты и села на берегу Байкала. Современник даже не представляет, какая великая роль отводилась этому скромному селу более 300 лет назад в сообщении западного берега озера с восточным.

На берегу Байкала, между селом Большое Голоустное и падью Семёновка, стоит православный крест, воздвигнутый казаками Мериновыми. На кресте надпись: «Сей поклонный Крест сооружен в память славного Атамана Петра Бекетова, который выса-

Гора Шаманка

Поклонный крест на 87-м км Голоустненского тракта

дился здесь в 1653 году от Р.Х. и подвел под высокую Государеву руку окрестные земли, принеся сюда свет Православия. Вечная слава казакам-первоходцам! От благодарных братьев Мериновых».

Казачий атаман Петр Бекетов, согласно летописям, здесь не задержался. Он спешил, имея задание открыть водный путь с Енисея на Шилку, к серебряным рудникам. Его торопил енисейский воевода Афанасий Пашков, который два года спустя сам проследовал бекетовским путем через Байкал, реками Селенгой, Хилком, волоком на Ингоду, Шилкой, чтобы построить на Нерче острог и стать нерчинским воеводой.

С Афанасием Пашковым через казачий пост Голоустного прошел со своей семьей «огнепальныи глава раскола Аввакум Петров». Шел он на равных с первоходцами: и голодал вместе со всеми, и лес рубил, и нарты волочил, и лямку бурлацкую тянул. И терпел все это время еще и «особливые муки» от Афанасия Пашкова, «вразумлявшего» его, опального, иной раз весьма «немилостиво». И не знал тогда опальный протопоп, что он стал первоходцем Сибири старообрядческой и что его путем пройдут тысячи глубоко верующих людей.

Поселение Голоустное возникло в 1673 году в виде зимовья и казачьего караула. История его создания и развития во многом связана с освоением дипломатических, почтовых, а потом и торговых путей между Западом и Востоком. Зимовье служило

опорным пунктом для единственной казенной зимней переправы через Байкал на восточный берег озера к устью Селенги. Во время непогоды и до установления санного пути при переправе здесь скапливалось значительное число проезжающих. Зимовье представляло собой рубленное из лиственничных бревен здание размером более 20 метров длины на 10 метров ширины. Оно стояло на ровной площадке в 25 метрах от берега озера. Сени делили дом на две половины, в одной из которых располагались горницы для «благородных» пассажиров, а в другой — для ямщиков. Под чанами с водой постоянно поддерживался огонь. Таким образом проезжающие снабжались кипятком для приготовления пищи.

Здесь переправился царский посол Ерофей Заболоцкий со товарищи для встречи с мунгальским Цизан-ханом и был вероломно убит его воинами на восточном берегу Байкала. На месте его гибели, как раз напротив Голоустного, в 1681 году был основан Спасо-Преображенский монастырь и стало развиваться село Посольское.

Голоустное как опорный пункт служилых людей развило в селе в XVIII веке благодаря получившему оживление торговому чайному пути между Россией и Китаем и необходимости его обслуживания. Летом купеческие парусно-гребные дощаники, шедшие из Иркутска по Ангаре и вдоль западного берега Байкала, добирались до реки Идин-Гол (Голоустная), которая при впадении в Байкал образовала наносной мыс, далеко вдающийся в озеро. На мысу был оборудован специальный причал, от которого корабли отправлялись на другой берег Байкала в село Посольское. Дальше торговые суда поднимались по Селенге до Верхнеудинска и Селенгинска. А там рукой подать до Кяхты — восточных торговых ворот Российской империи. Зимой здесь пролегал санный путь, чему способствовали постоянные дворы-зимовья.

Зимовье использовалось также и как база для охотников. В 1772 году географ Петр Паллас, посетивший его, писал: «В зимовье было множество народа, который на промысел тюленей готовился».

Поклонный крест на берегу озера Байкал между селом Большое Голоустное и падью Семёновка

Первыми поселенцами этих мест были бурятские семьи, пришедшие на берег Байкала в начале 80-х годов XVII века. По местной легенде, одним из древних предков голоустненцев по бурятской линии был человек по имени Соръел, который перекочевал сюда вместе с тремя сыновьями из мест нынешнего Эхирит-Булагатского района. Семья выбрала этот берег Байкала как «лучшее место для жизни». Рыбы тогда в реке было столько, что когда они черпали воду из реки, то вычерпывали и рыбу. «Энда хотега угэ мяхан, хухэ угэ мулэн» — так сказал Соръел, обосновавшись здесь, что по-русски означало: «Здесь без ножа мясо, без топора дрова». По именам сыновей Соръела, гласит легенда, названы и местные бурятские улусы: Бусагай (Подкаменный), Хэнсэ (Заречный), Баяда (Батагаевский). Улус Харануты был основан чуть позже, в 1733 году, бурятом по имени Томрэ. Главными занятиями поселенцев того времени были рыбная ловля, охота и скотоводство. Улусы находились в стороне от причала и зимовья на соседствующих лугах и голых склонах хребта.

Хозяином русского поселения был казачий голова. Интересен документальный факт, что в деревне помимо служилых людей жили монастырские монахи, так как в 1708 году Вознесенский монастырь Иркутска по завещанию казачьего десятника Андрея Ошаровского становится «владельцем деревни Голоустная на озере Байкал с рыбными ловлями и сennыми покосами». Более того, с 1724 года к Вознесенскому монастырю был приписан и Посольский Спасо-Преображенский монастырь с крестьянами и угодьями. Зимовье было продано монахам Посольского монастыря.

В 1740 году в Голоустное приехал ссыльный Павел Леонтьевич Стрекаловский, который первоначально нанялся сторожем при зимовье. Он построил лодки, стал рыбачить, с помощью бурят перевозить разные грузы по Байкалу — летом на мореходках (больших лодках), зимой на лошадях, а разбогатев на перевозе, выкупил у монахов зимовье. Рядом с монастырским зимовьем он построил «девичье» зимовье для размещения женской прислуги и большой новый дом для своей семьи. От Стрекаловского пошло коренное русское население деревни. Все его потомки жили с бурятами очень дружно, помогали в хозяйственных работах, на охоте, на рыбном промысле, в строительстве домов, надворных построек. Русские научили бурят выращивать картофель, сеять и растить хлеб.

Другая потомственная семья появилась от брака бурятского парня с русской девушкой. Предание гласит: как-то проезжал через эти места российский купец, направляясь в Посольск, и менял лошадей у Павла Стрекаловского. Везти его зимником было на-

значено молодому буряту Борику. Купец в дороге стал уговаривать Борика креститься. Прибыв в Посольск, Борик окрестился, а купец, став ему крестным отцом, дал имя Иван и фамилию в память о своей вологодской родине — Белозерцев.

Новоявленный Иван Белозерцев, вернувшись в Голоустное, прикопил денег и женился на одной из русских кухарок «павловского» зимовья. После женитьбы он взял расчет и ушел селиться по своей вольной привычке на неосвоенные места, южнее на 2 километра по берегу от Голоустного. Здесь он поставил свое зимовье с постоянным двором для проезжающих. Так было положено начало Белозерцевскому участку, а от семьи пошел род Белозерцевых. Со временем здесь выросла деревня в десять дворов, названная Семёновкой, по имени многодетного Семёна Белозерцева. По воспоминаниям старожилов, и сама падь получила название Семёновки (Семёнихой ее окрестили уже в наше время). Сейчас за Голоустненским мысом стоит поклонный крест, который находится на границе бывших земель Стрекаловских и Белозерцевых. В 1949 году, при объединении колхозов, все дома из Семёновки перевезли в Голоустное, и на месте деревни в настоящее время находятся кордон и кемпинг-приют Прибайкальского национального парка.

К последней четверти XIX века в деревне Голоустной было более 30 дворов и почти 200 человек населения, не считая окрестных хуторов, заимок и улусов. С вводом в начале XX века в строй Транссибирской железнодорожной магистрали, которая прошла по южному берегу Байкала, роль села Голоустного в транзитном отношении резко снизилась. Со временем изменились не только назначение села, но и его административная принадлежность. Если в конце XVIII и в XIX веке оно подчинялось Посольску, в начале XX века, после строительства железной дороги, — администрации Слюдянки, то в более поздний — коммунистический — период село вошло в состав Иркутскосельского района.

В 1923 году в Большом Голоустном и на участке Белозерцево жило 100 Стрекаловских, 83 Белозерцевых и 25 человек, случайно приписавшихся к селу. В окрестных улусах проживало 480 бурят.

Селянам Большого Голоустного жизнь давалась неимоверными трудами. С середины марта до середины июля мужчины и физически крепкие мальчики всегда уходили на промыслы. Рыбу ловили у противоположного берега Байкала на участке от Мысовой до Танхоя, а на нерпу охотились в районе Курбулика. В октябре начиналась таежная охота, а весь ноябрь опять изнурительная и промозглая рыбалка в Забайкалье. Весь озер-

ный промысел осуществлялся на весельных лодках и лошадях. Рыбу, сено и многое другое, что могли добыть, на продажу везли в Иркутск лодками либо конными обозами, в зависимости от времени года.

К 1936 году в Большом Голоустном было создано две артели — промыслово-охотоведческая «Красный Байкал» и промыслово-рыболовная «Красный Идегол». В артелях были полеводческие и животноводческие бригады. Позднее артели были объединены в колхоз «Путь к коммунизму». В советский колхозный период здесь насаждались малоприемлемые для сибирских климатических условий агрокультуры: пшеница, овес, кукуруза. Богатые сенокосные угодья использовались для общественного скота, поэтому личный скот держать стало почти невозможно.

В 1958 году колхоз был ликвидирован. Старожилы до сих пор помнят, что отсюда было вывезено и передано без компенсации в деревню Урик около 300 голов крупного рогатого скота, механизмы, трактора, автомашины. С развалом колхоза казалось, что Большое Голоустное как населенный пункт тоже умрет.

В 1960-е годы село активно обеспечивало лесозаготовку и переправку леса хлыстами в плотах по озеру в порт Байкал и Слюдянку. После запрета на водную транспортировку древесины часть населения была задействована в обслуживании лесничества Прибайкальского национального парка, созданного в 1986 году. Голоустненский участок прибрежной парковой зоны растянут на 75 километров от мыса Кадильного до села Бугульдейка и включает в себя «природный музей» побережья — бухту Песчаную. Сравнительно недавно в селе не было даже электричества.

Сегодня в Большом Голоустном постоянно проживает более 600 человек, многие из них пенсионеры. В поселке есть все, что необходимо путешественнику: турбазы, магазины, хлебопекарня, сотовая связь. С Иркутском Большое Голоустное связано регулярным автобусным сообщением. Есть удобная пешеходная тропа до поселка Большие Коты (30 км по береговой линии) и далее до Листвянки, а также в северном направлении проложена туристическая тропа до бухты Песчаной. Да и добраться катером отсюда в бухту Песчаную менее затратно по времени и топливу, чем из Листвянки или Больших Котов.

Главные достопримечательности Голоустного — природа озера Байкал с обширной панорамой, живописное побережье и памятники православной культуры. В Большом Голоустном бытует трогательная легенда о таинственной иконе, найденной когда-то на берегу Байкала бурятами. Икона Николая Чудотворца, а точ-

нее кипарисовая скульптура Святителя, являлась, по преданию, в Голоустное три раза — и всегда чудесным образом.

Легенда гласит, что впервые нерукотворная икона Николая Чудотворца явились в Большое Голоустное в XVII веке. В то время села еще не существовало, и, рассказывают, буряты-язычники, случайно заехавшие в эту местность, были нескованно удивлены, когда увидели на берегу Байкала маленького идола — деревянного старца сантиметров 70 высотой. Буряты пали перед ним на колени, но старец исчез. С тех самых пор буряты стали молиться Николаю Чудотворцу так же, как и своим богам, вероятно, в дальнейшем отождествляя его с божеством долголетия и процветания Белым Старцем.

Второе явление иконы, по преданию, связано с молитвами о спасении. Как-то в начале XVIII века буряты, вышедшие в море, попали в страшный шторм и стали молиться святителю Николаю. Буря стихла, и они увидели яркий свет. Поплыли к нему и добрались до берега. Пораженные непонятным явлением, буряты высадились на прибрежную гальку и возле пня, где уже являлась чудотворная икона, увидели ярко горящую, несмотря на ветер, восковую свечу и рядом статuetку Святителя. На этот раз Николай Чудотворец держал в руках церковь и меч. После этого явления было решено поставить на святом месте для иконы часовню.

Легенды старожилов, возможно, имеют в чем-то реальную основу, ведь святитель Николай полюбился всем местным сибирским народам с момента появления в Сибири первопроходцев. Можно с уверенностью сказать, что устные предания удачно сопутствовали намерениям казачества и монашества Посольского монастыря построить так необходимую для отправления духовных нужд часовню, единственный оплот православной веры на казенной заставе западного побережья Байкала. В архиве сохранилась челобитная от 20 января 1701 года казачьего десятника Андрюшки Ошаровского митрополиту Тобольскому и всея Сибири с просьбой о строительстве часовни во имя Чудотворца Николая.

Традиция освоения Русского Севера, когда первыми в глухи селились подвижники-монахи, а уже следом за ними шли на «отмоленные места» и вольные крестьяне, продолжалась и в Сибири. На Русском Севере сложилась поговорка «От Верколы до Колы — тридцать три Николы», но ее можно смело отнести к Сибири, так как Сибирь была открыта в основном выходцами с севера Руси. И пошли «Николы» «встречь солнца», и не счесть всех храмов, часовен и монастырей по Сибири, посвященных чудо-

творцу из далеких Мир Ликийских, покровителю всех плавающих и путешествующих.

В 1701 году возле Голоустненского зимовья и переправы через Байкал была построена часовня. Обретенная икона оказалась чудотворной, и слава ее разнеслась далеко. Но чудотворная икона в селе не осталась. В XIX веке священнослужители посчитали, что для такого захолустья, как Голоустное, не имеющего храма, она слишком ценна. На восточном берегу Байкала на территории Посольского монастыря в 1812 году была освящена существующая доныне церковь во имя Святителя Николая Чудотворца. Более того, в монастыре с 1862 года располагались центр Забайкальской духовной миссии и епископская кафедра Селенгинского викарства. А так как село Голоустное в то время было в подчинении Посольска, икону Святителя перевезли на другой берег Байкала в Спасо-Преображенский монастырь и поместили в Свято-Никольскую церковь.

Как гласит предание, Николай Чудотворец, не желая находиться так далеко от «дома», исчез из запертой на ночь церкви и вновь явился на прежнее место. Тогда-то и было принято решение построить в Голоустном храм во имя святого Николая Мирликийского. В 1864 году рядом с исторической часовней было начато строительство церкви «ясачным инородцем» Василием Степановичем Белозерцевым. 5 февраля 1867 года Свято-Никольский приход был освящен. К открытой вновь церкви было приписано три часовни побережья.

Поклоняться Святителю приезжали со всей округи, и голоустненская церковь стала миссионерской. Скульптурная икона творила чудеса — исцеляла больных, дарила бесплодным беременность, спасала моряков и путешественников. Икона стала известна даже далеко за пределами Сибири.

В 1937 году церковь в Голоустном была закрыта большевиками, разорена, колокола сняты, икона была разрублена на куски. Местная легенда гласит: когда церковь громили, мужики, отправившиеся по льду Байкала промышлять нерпу, увидели на запорошенном снегом пути следы босых ног. Седой с бородой старичок удалялся все дальше и дальше. «Ты кто таков будешь?» — окликнули его мужики. «Меня здесь осквернили, и я ухожу», — был ответ. Опомнившись, какое-то время спустя рыбаки хотели вернуться и старика подобрать, а его уж след простыл, как будто и не было.

В помещении храма был открыт клуб, а в войну церковь превратилась в зернохранилище. По свидетельству местных жителей, главу администрации, который настоял на разрушении храма, постигла кара Божья — он ослеп.

Потом церковь долгое время пустовала и постепенно разрушалась. А часовня в 1954 году была перенесена недалеко, на один из островов голоустненской дельты. Сейчас местные жители по своей инициативе реставрируют здание часовни, поддерживают порядок, оставляют пожертвования. Это одна из трех старинных часовен, сохранившихся на берегах Байкала.

Инициатором по восстановлению Свято-Никольского храма в 1986 году стал казачий атаман Николай Меринов. В 1988 году начались реставрационные работы. Финансирование работ взяло на себя американское агентство «Международное развитие» — модельный проект по программе Дж. Дэвиса. В 1995 году после первого планового этапа реставрации возобновились богослужения. Вечером накануне Пасхи 1998 года уже целиком отреставрированная церковь сгорела дотла от огня, вспыхнувшего внутри. Произошло это, по мнению Николая Михайловича, потому, что деньги на строительство брали у иноземцев (американцев).

В 1999 году жители поселка на сходе решили больше ни копейки на реставрацию не брать у «инородцев», а обратиться за помощью в Иркутскую епархию. По благословению архиепископа

*Церковь Святого Николая Мирликийского
в Большом Голоустном*

Иркутского и Ангарского Вадима на средства Иркутской епархии и пожертвования прихожан началось возрождение храма. В 2001 году состоялось его открытие, которое сопровождалось чудесными явлениями — небо озарилось ярким сиянием, над куполами появился оранжевый круг.

И вот в 2004 году произошло знаменательное событие — Николай Чудотворец вернулся в Большое Голоустное. Вновь обретенная икона Святителя была доставлена в Иркутск из Москвы военно-транспортным самолетом Ил-76. Скульптурное изображение Николая Чудотворца долго считалось утраченным, но оказалось, что одна из жительниц Голоустного, Нина Турусова, сохранила стопу от старой скульптуры и руку, держащую храм. Както в далекие 1930-е годы, поехав в сельсовет, увидела она там фрагменты иконы и успела кое-что спрятать за пазухой. Долгие годы она берегла части иконы. Когда в 2000 году чаяниями атамана Иркутского казачьего войска Николая Меринова храм начал восстанавливаться, Н. Турусова принесла строителю Никольского храма Юрию Белову сохраненные ею части чудотворной иконы — руку с храмом и стопу. После строительства храма Ю. Белов стал послушником в Санакарском монастыре и увез туда то, что осталось от чудотворной иконы. Два года монахи воссоздавали образ святителя Николая. В новую деревянную скульптуру были вставлены сохраненные части чудотворной статуэтки, икону освятили в монастыре, доставили в Москву, а оттуда уже в Иркутск. На реставрацию было затрачено 70 тысяч рублей, собранных иркутскими казаками.

Самолет приземлился на территории Иркутского авиа завода. Николай Чудотворец вновь ступил на сибирскую землю, но немного задержался с возвращением в Большое Голоустное в иркутском храме Успения Божьей Матери на территории бывшего Вознесенского монастыря.

К этому храму икону несли под звон колоколов. Казаки падали ниц и целовали шашки. Настоятель прихода священник Дионисий отслужил молебен, и прихожане вереницей потянулись к Святителю — каждый хотел дотронуться до чудотворной иконы. Деревянная скульптура сияет новизной, однако встроенные части, левый черный башмачок и левая рука статуэтки, выделяются на фоне общего блеска иконы. В одной руке Святитель держит сверкающий меч, а в другой — потускневший от времени храм.

22 мая 2004 года, в день венчного Николы, скульптуру Николая Чудотворца крестным ходом доставили в Большое Голоустное. Сначала икону везли на машине, но за несколько километров до села остановились и несли ее на руках. Не только простые люди, но и некоторые иркутские чиновники изъявили желание принять

участие в крестном ходе. К возвращению Николая Чудотворца иркутское казачество учредило медаль его имени как общероссийскую казачью награду. Было заказано 300 медалей — из серебра и латуни, и первыми награжденными должны были стать те, кто принимал участие в восстановлении чудотворной иконы и способствовал ее возвращению на родную землю, в том числе архиепископ Иркутский и Ангарский Вадим.

Некоторые туристы могут задать вопрос: почему именно Николай Чудотворец особо почитаем на Байкале? Николай родился в конце III века в Малой Азии. Единственный наследник богатой греческой семьи из общинного поселения Патары в Ликии, Николай пожертвовал все свое состояние на церковь и ушел в монашескую жизнь. В результате он пришел к пасторскому служению: епископы римской провинции Ликия (Малая Азия, ныне область Анталья в Турции) избрали его архиепископом города Миры (ныне Демре). В истории он стал известен тем, что вмешался в неправедный суд над тремя уважаемыми гражданами города, которых обвинили в преступлении по ложному навету. Вырвав меч из рук палача, Николай, архиепископ Мирикийский, освободил осужденных и обратился с речью к правителью города, обвинив того в получении мзды. В то время христианство в Римской империи еще не являлось государственной религией, и поступок архиепископа можно было оценить как подвиг. Правитель не только оправдал осужденных, но и публично попросил прощения. Отсюда пошла слава о мужестве Николая и его ревностном отношении к правде Божьей. Николай скончался 6 декабря 342 года и был погребен в соборе города Миры. В 1087 году его мощи были перевезены в город Бари на юге Италии, где и покоятся в базилике Св. Николая.

Святой Николай прославляется и как чудотворец: по его молитвам происходили чудесные исцеления и даже воскрешения из мертвых, стихали бури на море и ветер нес корабль туда, куда нужно было Святителю. Церковь знает много фактов, когда с молитвенными обращениями к св. Николаю свершались чудеса. Святой Николай считается покровителем мореплавателей, всех терпящих беды и гонения. Он также покровительствует детям и учащейся молодежи. Именно его образ в Европе и Америке стал основой фольклорного героя Санта-Клауса (святого Николаса).

В настоящее время католическая церковь, не имея уточненных данных о житии св. Николая, перевела его из общепочитаемых святых в разряд местночтимых. Российская же православная церковь, наоборот, дала Николаю особое звание Святителя и че-

ствует его память не только 19 декабря и 22 мая, но и еженедельно, каждый четверг, особыми песнопениями.

Символы православной веры села Голоустного — храмовая икона, часовня, восстановленная церковь, поклонные кресты Голоустненского тракта — в наше время должны почитаться не только как реликвии, но и как символы возрождения культуры Николая Мирликийского, всей Святой Руси и всех сибирских православных народов.

На окраине Иркутска, от которой начинается Голоустненский тракт, в поселке Дзержинском 29 апреля 2009 года на поселковом сходе жителей решался вопрос о строительстве собственной церкви. Люди выстраивают еще один мостик духовности, связывающий центр Иркутской епархии с побережьем озера Байкал.

ЛИТЕРАТУРА

Иркутские повествования. 1661–1917 годы: в 2 т. / автор-составитель А.К. Чернигов. Иркутск: Оттиск, 2003. Т. 2.

Кузнецова М.В. Экскурсоведение: история, методика, практика. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2009.

Энциклопедия для детей. Т. 6. Ч. 2. Религии мира. М.: Аванта+, 1996.

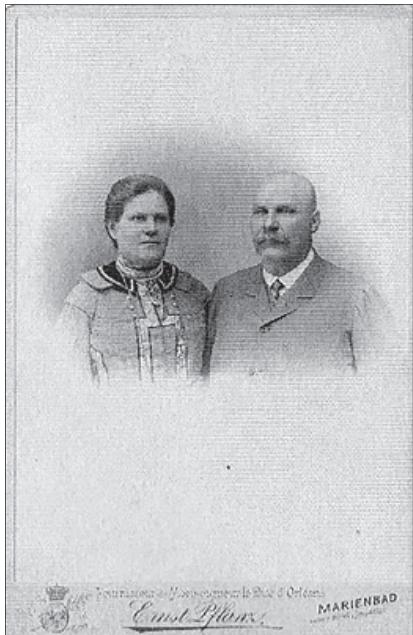
О ЧЕМ ПОМНИТ СТАРИННАЯ УСАДЬБА В ИРКУТСКЕ

*Наталья Николаевна Михайлова,
член Иркутского общества
«Родословие»,
г. Иркутск*

Иркутское общество «Родословие» получило в подарок книгу «Кто мы и откуда. История семьи». Автор, Елена Викторовна Черновхвостова-Левенсон, прислала ее из Америки, где она сейчас живет. Вторая половина фамилии Елены Викторовны заставила меня вспомнить рассказы моих бабушки и мамы о давних годах их жизни. Из этих рассказов я знаю, что семья известного в Иркутске врача Николая Николаевича Бессонова, отца моей мамы, моего деда, жила в 20-х годах прошлого века на улице Арсенальской в доме, принадлежавшем купцу Левенсону. В подаренной книге рассказывается об одном из родоначальников семьи Левенсонов — Абраме Соломоновиче. Его отец, Залман (Соломон) Левенсон, отслужив 25 лет в армии при Николае I, получил положенный ему за это земельный надел в Восточной Сибири, на реке Лене. А Абрам Соломонович организовал снабжение хлебом золотых приисков Лены. Разбогатев на этом, он стал купцом 2-й гильдии. Примерно в 1897–1898 годах он перебрался из Качуга в Иркутск и купил дом. Как пишет автор книги, это был дом № 72 на улице Графа Кутайсова. Ей, наверное, не известно, что в те годы улица называлась Арсенальской. Это в 1904 году в честь иркутского генерал-губернатора она стала называться Графо-Кутайсовской. Сейчас это улица Дзержинского.

В Иркутске Абрам Соломонович продолжал заниматься торговым делом. В «Алфавите лиц, служащих в правительственные и частных учреждениях г. Иркутска» за 1901 год значится: «Левенсон Абрам Соломонович. Доверенный торговли крупчаткой Фуксмана. Арсенальская ул., соб. дом». Видимо, дело было очень доходным, и уже в начале 1900-х годов Левенсон построил около купленного дома целую усадьбу. Он выстроил внутри нее новый дом, флигели и два больших амбара. Флигели размещались в небольшом саду. Усадьба с восточной стороны (к р. Ушаковке) граничила с бывшей усадьбой декабриста Трубецкого. В те времена

*Абрам Соломонович и Елизавета Иосифовна Левенсон.
Мариенбад. Фото из книги
Е.В. Чернохвостовой-Левенсон*

вокруг домов по внезапно выпавшему в марте обильному снегу, внимательно все рассматривали, фотографировали. Дома усадьбы неплохо сохранили свой прежний вид, несмотря на некоторые современные пристройки, пластиковые окна в нескольких местах и установленный кем-то кондиционер. От всех строений веет сибирской стариной — добротность, основательность и красота. Подзоры на крышах из ажурного деревянного кружева, резные наличники на окнах, ставни, фигурные балюсины на террасах. Даже бревенчатые двухэтажные амбары украшены деревянным кружевом (к сожалению, один амбар сильно пострадал от пожара). А на кованой железной двери, ведущей с галереи одного из амбаров в бывшие складские помещения, очень хорошо сохранился вензель «А. С. Л. 1902» — как свидетельство того, что амбар был построен Абрамом Соломоновичем Левенсоном в 1902 году.

Наиболее красив одноэтажный дом, стоящий во дворе. А дом с мезонином, выходящий на улицу, более ранней постройки, проще по декору. Его и купил купец Левенсон, приехав в Иркутск.

о декабристах почти забыли. Усадьбой в разные годы владели разные люди. В 1910-х годах владельцами чисились три сестры Гасс, немного позднее — С.Л. Гортикова. С западной стороны тоже были частные владения, в 1909—1915 годах — П.П. Кирикова, члена комитета Иркутского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних преступников.

Бывшая усадьба Левенсона, которой уже более ста лет, стоит и сейчас. Ее дома числятся по улице Дзержинского под номерами 62а, 62б, 62в. Сейчас она охраняется государством, так как входит как объект исторического наследия в состав комплекса декабристов.

Недавно я и председатель нашего общества Наталия Сергеевна Пономарёва побывали в усадьбе. Мы долго бродили

Во время нашей экскурсии нам встретился гулявший с внуком во дворе один из старожилов усадьбы, Александр Алексеевич Шишков. Он охотно рассказал о том, что знает сам, и о том, что слышал от очень старой женщины, прожившей в усадьбе много лет, которой уже нет в живых. Из этих рассказов выходит, что очень богатый купец жил в красивом одноэтажном доме внутри усадьбы. За домом был построен флигель для хозяйственных нужд и прислуги (сейчас это жилой дом). В нем имелись большая русская печь, подполье, кладовые. Наш собеседник с детства, с шестилетнего возраста, с начала 1950-х годов, живет в этом доме. Он слышал, что в стариных двухэтажных амбарах когда-то были помещения для содержания скота и разной другой живности. В верхних помещениях были хранилища для муки, кормов и продуктов. Подвалы амбаров зимой забивались льдом, и там хорошо сохранялись целые мясные туши. До сих пор еще существуют большие кованые крючья, на которых подвешивались эти туши. Один из подвалов служил для сброса отходов от животных. И этот на-воз, пролежав много-много лет, был использован новыми жильцами как прекрасное удобрение. Александр Алексеевич говорит, что сам вывозил его на свой огород. Он также обратил наше внимание на сохранившийся огромный кованый крюк, подвешенный на толстой балке под деревянным навесом. Видимо, на этот крюк надевался безмен для взвешивания мешков с мукою или мясных туш. Усадьба и сегодня хранит приметы жизни и быта богатой купеческой семьи.

Теперь уже никто, кроме нас, внуков Н.Н. Бессонова — меня, моего брата и моей сестры (может быть,

Дети Абраама Соломоновича Левенсона (слева направо): Иосиф, Шима, Михаил, Гавриил, Елена, Соломон, Любовь, Гдалий. Иркутск, 1901 или 1902 г. Фото из книги Е.В. Чернохвостовой-Левенсон

*Дом, построенный А.С. Левенсоном в 1902–1903 гг.
внутри усадьбы. Иркутск, 2011 г.*

Один из амбаров в усадьбе Левенсона. Иркутск, 1978 г.

только сохранились в архивах официальные свидетельства), не знает, что в глубине сада находился еще один флигель с мезонином и широкой террасой. Именно его и снимал у хозяина для своей семьи мой дед. Здесь же был кабинет доктора для частного приема больных по глазным и внутренним болезням. Когда мы в детстве (это было в 40-х гг. прошлого века) просили бабушку показать дом, где они жили, она с огорчением говорила, что ни дома, ни сада уже нет. Действительно, в начале 1930-х годов в западной части усадьбы Левенсона начались подготовительные работы по постройке каменного дома, предназначавшегося для преподавателей сельскохозяйственного института. Этот дом был построен, как говорят его жильцы, приблизительно в 1935 году. Поэтому-то, очевидно, и был снесен небольшой флигель с мезонином и почти вырублен сад. До недавнего времени еще сохранялся небольшой участок густого сада. Мы же увидели лишь несколько покореженных от старости деревьев.

Как пишет Е.В. Чернохвостова-Левенсон, у Абрама Соломоновича и его жены Лии Осиповны (Азадовской) было восемь детей — пять сыновей (Гдалий, Михаил, Гавриил, Соломон и Иосиф) и три дочери (Шима, Елена и Любовь). Все дети получили среднее, а некоторые и высшее образование. Сама Елена Викторовна — жена внука Абрама Соломоновича, Вадима Иосифовича. Ее семья уехала из Москвы в Америку в перестроечные времена. Все дети Левенсона с ранней юности были увлечены революционными идеями. Даже девушки, учась в гимназии, были членами социал-демократических кружков. А сыновья все, кроме одного, самого младшего, Иосифа, были активными участниками революционных событий в стране. После революции все они достигли значительных успехов, работая в крупных советских учреждениях. И почти у всех был трагический конец. Старший, Гдалий, еще до революции, став левым эсером, организовывал террористические акты. Добывая деньги для своей организации, он участвовал в ограблении банка. Когда его преследовала полиция, он застrep-

*Вензель «А. С. Л. 1902»
на двери второго этажа
амбара. Фото 2011 г.*

*Анна Викторовна
Бессонова.
Иркутск, около 1905 г.*

*Николай Николаевич
Бессонов.
Иркутск, 1914 г.*

*Флигель для прислуги в усадьбе Левенсона.
Фото 2011 г.*

*А.С. Левенсон с сыном Михаилом, невесткой Розалией
и внуком Женей. Франция, 1911 г. Фото из книги
Е.В. Чернохвостовой-Левенсон*

лился. Ему было 20 лет. Соломон юношей вступил в партию левых эсеров, а потом стал большевиком. В советское время жил в Москве, являлся ответственным инструктором политуправления Наркомата водного транспорта СССР. В 1938 году был обвинен в участии в контрреволюционной террористической организации и расстрелян.

Особенно интересна фигура одного из средних сыновей Абрама Соломоновича — Михаила Левенсона. Еще учась в Иркутском промышленном училище, он стал левым эсером. Участвовал в организации террористических актов. Дважды за это помещался в Иркутскую тюрьму. При втором аресте ему грозила смертная казнь по обвинению в подготовке убийства начальника Сибирской карательной экспедиции генерала Ренненкампфа. Михаил организовал вооруженный побег, во время которого погибли много заключенных, а также смотритель тюрьмы и его помощник. Михаилу удалось бежать, но он был вынужден до Февральской революции находиться в подполье. Сначала скрывался в разных сибирских городах. Потом отец помог ему уехать за границу (Германия, Франция, Швеция). За границей он получил высшее образование, стал врачом-педиатром. После февраля 1917 года

*В саду усадьбы А.С. Левенсона.
Анна Викторовна Бессонова (третья
справа), няня детей (первая слева)
и дети (слева направо): Юрий, Анна,
Владимир, Наталья, Николай, Сергей.
Иркутск, около 1915 г.*

одно время советским торгрядом в Италии. В 1937 году Михаил Левенсон был арестован, обвинен в участии в антисоветской троцкистской организации. Расстрелян в 1938 году.

Конец самого Абрама Соломоновича Левенсона тоже был печальным. После революции он потерял дело и все свое имущество. Часть денег ему удалось обратить в золото. Он с женой и семьями детей перебрался из Иркутска в Москву. Но там его вызвали в ЧК и изъяли все золото. В 1928 году А.С. Левенсон умер, ему было 74 года.

Мой дед, Н.Н. Бессонов (1871–1941) — потомственный дворянин, уроженец Санкт-Петербурга, закончил военно-медицинскую академию. В 1897 году он был направлен на работу в Иркутский военный госпиталь. К 1913–1914 годам дед был женат вторым браком (первая его жена В.Б. Шостакович скончалась

в Петрограде Михаил Левенсон принимал активное участие в подготовке Октябрьской революции. После революции стал членом президиума Петросовета, был членом ВЦИК. В 1918–1920 годах он жил в Иркутске, являлся членом Иркутского революционного комитета, который руководил борьбой против армии Колчака. В 1920 году власть Колчака пала, он был арестован и расстрелян в Иркутске. Под приговором о расстреле адмирала среди подписей других членов Иркутского ревкома стоит подпись Михаила Левенсона. В 1920 году Михаил уехал в Москву, где занимал разные посты в структурах Народных Комиссариатов внутренней торговли и внешней торговли. Был

в родах) на моей бабушке Анне Викторовне (Гейбович), дочери польского дворянина, выпускнице Иркутского института императора Николая I (благородных девиц). В семье к этому времени было шестеро детей (Николай, Юрий, Анна, Сергей, Наталья, Владимир). Наталья Николаевна — это моя мама. В эти годы дед снял дом в усадьбе Левенсона. Бессоновы прожили там примерно до 1926–1927 годов, переехав потом в государственную квартиру. Годы жизни в уютном флигеле в левенсоновском саду, наверное, были счастливыми для семьи. Дед — успешный и известный в городе доктор медицины, к этому времени полковник, награжденный орденом св. Станислава 3-й степени, статский советник. Он заместитель главного врача военного госпиталя, преподает в различных учебных медицинских заведениях города, ведет частный прием. Образ жизни семьи был типичным для иркутского светского общества того времени. В доме были няня, горничная, кухарка, денщик. Имелась хорошая библиотека, в том числе из детских книг. Детей учили музыке, верховой езде. Держали лошадей, породистых собак. Бабушка любила устраивать званые обеды, приглашая повара из лучшего ресторана. Любли летом пить чай в саду или на террасе дома. Гостями были в основном приятели деда, известные в то время врачи,

В усадьбе А.С. Левенсона. Иркутск, около 1914 г.

среди них Маркевич, Заорский, Москвитин. Играли в карты, музиковали, дед хорошо играл на пианино. Бабушка еще с девичьего института была знакома с известной и очень уважаемой в Иркутске пианисткой Евгенией Григорьевной Городецкой, которая потом бывала у Бессоновых. Дед был завсегдатаем Офицерского собрания, а в Иркутском общественном собрании даже входил в совет старшин.

После революции деду пришлось пережить семейную трагедию. Его старший сын, Николай, окончил Иркутскую артиллерийскую школу. Когда началась Гражданская война, он, служа в царской армии, оказался на стороне белых. А другой сын, Юрий, пошел добровольцем в Красную армию и тоже стал артиллеристом. Николай был убит в бою, ему было 20 лет. А Юрий был награжден одним из первых советских орденов — Боевого Красного Знамени. Трудно представить, что чувствовал отец, одинаково любивший обоих сыновей. Юрий Николаевич стал писателем. Наиболее серьезный его роман — «Восстание» — о революции и Гражданской войне в Сибири и Иркутске. Сын Сергей Николаевич, уехав в Москву, стал профессиональным художником. Младшие дети деда заканчивали уже советскую школу, учились в иркутских вузах. Владимир, окончив Горный институт, стал геологом. Сыновья добровольцами ушли на фронт в Великую Отечественную войну и прошли весь путь до Берлина. Сестры Анна и Наталья получили образование на хозяйственно-правовом факультете универ-

Флигель в усадьбе Левенсона, в котором жила семья Бессоновых. Иркутск, около 1915 г.

ситета. Мама и бабушка после смерти деда оставались до конца своих дней в Иркутске. Сейчас потомки Бессоновых живут в Иркутске, в Москве, в Украине.

Адмирал А.В. Колчак является еще одной «точкой» в пересечении историй семей Левенсонов и Бессоновых. Двоюродный брат моего деда, Федор Андреевич Матисен, известный военный гидрограф и путешественник, исследователь полярных морей, участник пяти полярных экспедиций, многие годы был тесно связан с Колчаком военно-морской службой и дружбой. Но Матисен никогда не интересовался политикой.

Они оба в одно время учились в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, вместе потом служили мичманами на крейсере «Рюрик» в Свеаборге в Финляндии. Особенно близко их связло общее участие в первой русской полярной экспедиции под руководством барона Э. Толля (1900–1903 гг.). На яхте «Заря» Ф.А. Матисен был помощником командира, потом командиром, а А.В. Колчак — штурманом. В 1919 году Колчак, будучи правителем Сибири, поручил Ф.А. Матисену возглавить гидрографическую экспедицию по реке Лене к ее устью с целью изучения возможности использования реки в системе Северного морского пути. Экспедиция была успешной, усилиями Матисена был заложен порт в бухте Тикси в устье Лены в Северном Ледовитом океане. И Колчак, и Матисен неоднократно бывали в Иркутске, выступали в Восточно-Сибирском отделе Императорского Русского географического общества с докладами о результатах полярных экспедиций. Матисен всегда останавливался в доме у брата. В 1919 году, готовясь к экспедиции по реке Лене, он

*Дети Бессоновых у дома
А.С. Левенсона. Иркутск, около 1916 г.*

мог жить у Бессоновых в усадьбе Левенсона. Федор Андреевич умер и похоронен в Иркутске в 1921 году. У деда в доме Левенсона были оставлены после кончины Ф.А. Матисена его личные вещи, реликвии, до сих пор хранящиеся в нашей семье.

В бывшей усадьбе Левенсона давно живут другие люди. История же семьи Левенсонов и семьи Бессоновых, которых судьба свела когда-то в Иркутске в одной усадьбе, — это яркое отражение истории нашей страны прошлого столетия, истории сложной, полной героических и трагических событий и перемен.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив Центра по сохранению историко-культурного наследия г. Иркутска. Научный паспорт на объект культурного и исторического наследия. Усадьба № 70 по ул. Дзержинского, 62. Иркутск, 1968 г.

Личный архив Н.Н. Михайловой.

Адрес-календарь г. Иркутска. Иркутск, 1901. С. 46, 181.

Весь Иркутск: Адресно-справочно-телефонная книга на 1924 год. Иркутск, 1924. С. 198.

Весь Иркутск с отделом Забайкальской области, адресно-справочная и торгово-промышленная книга на 1908 год. Иркутск, 1908. С. 247, 249.

Восточно-Сибирский календарь на 1906 г. Иркутск, [б. г.]. С. 72.

Календарь-справочник по г. Иркутску и Иркутской губернии на 1914 год. Иркутск, 1914. С. 179, 209, 211.

Михайлова Н.Н. Земля и корни: Воспоминания. Иркутск, 2007. 128 с.

Михайлова Н.Н. Усадьба и судьбы // Мои года (Иркутск). 2011. 30 апреля – 7 мая. С. 21.

Памятная книжка Иркутской губернии. 1909 г. Иркутск, 1909. С. 215.

Памятная книжка Иркутской губернии. 1910 г. Иркутск, 1910. С. 203, 239.

Памятная книжка Иркутской губернии. 1912 г. Иркутск, 1912. С. 329, 331.

Справочник по городу Иркутску и Иркутской губернии на 1915 год. Иркутск, 1915. С. 12, 59, 70.

Чернохвостова-Левенсон Е.В. Кто мы и откуда: история семьи. Роли (Северная Каролина), 2010.

ОСИНСКАЯ ДОЛИНА. ДЕРЕВНЯ ЛУЗГИНА

*Любовь Николаевна Лузгина,
краевед, член Иркутского
общества «Родословие»,
г. Иркутск*

«Осинская долина. Деревня Лузгина» — так незатейливо начал свое обширное повествование мой отец Николай Гаврилович Лузгин о своей малой родине, о родовом селе сибирских Лузгиных.

В 1990-х годах в одной из центральных газет промелькнуло небольшое сообщение, связанное с Государственной Думой. Имя помощника одного из депутатов, выделенное жирным шрифтом, остановило взгляд — Любовь Лузгина. Я посмеялась над этим казусом и позабыла о нем. Позже фамилии Лузгиных, связанных то с европейской частью России, то с сибирскими пределами, неоднократно останавливали мое внимание, покуда я, в силу своего профессионального стремления — разложить все по полочкам, не примкнула к увлечению своего отца.

Отец занимался восстановлением доброго имени нашего деда Гавриила Федоровича Лузгина, подвергнутого репрессиям в начале 30-х годов. Отец ездил в архивы, навещал родственников и знакомых в Осинском районе, активно сотрудничал с обществом «Мемориал».

Мы привыкли к тому, что он много времени проводит за письменным столом, за своей рукописью, считая это занятие своим главным делом на склоне лет. Временами делился результатами своих поисков, рассказывая нам малоизвестные эпизоды из жизни нашего деда.

Со временем, когда я всерьез стала интересоваться родословием, я подбирала для него информацию, которая могла бы повернуть его увлечение детальнейшим исследованием причин репрессий XX века в родословное русло.

Позже отец сам признавался, что он чересчур сильно увлекся эпохой репрессий. Ему понравились мои изыскания по родам Сверкуновых-Литвинцевых, по линии его жены, но он сознавал, что мно-

го времени упущен и ему уже многое не по силам. Поэтому редактировать его книгу, которую он хотел написать, он поручил мне.

Начало освоения русскими территории Осинской долины связано с построением Осинского острожка. Место для укрепленного сооружения было выбрано не случайно. С севера Осинская долина вблизи устья Осы ограничивается монументальными вершинами высокого скалистого водораздела. Как грозный страж, водораздел рек Бильчира и Осы охраняет долину от пронизывающих холодных северных ветров, создавая в солнечной долине своеобразный микроклимат.

Древние обитатели этой территории ценили пышное и богатое разнотравье, привлекавшее многих животных, светлые и чистые струи богатой рыбой реки Осы. Степные ландшафты окружают густые хвойные леса с березовыми перелесками.

В середине XVII столетия окрестности Осинского острога были заселены несколькими бурятскими родами булагатского племени. По Осинской долине кочевали буряты хогойского рода. По преодолению, старший сын Обогона — Хогой поселился в Кахе. Потомки Хогоя в Кахе составляют 200 дворов, имеются они и в улусах Матаган и Ирхидей. На горе Хоригтын-хушуун (Хоригто) хогойский род устраивал свои религиозные обряды.

Осинская долина. Слева гора Хоригто. Фото Л. Лузгиной, 2010 г.

Русским первопроходцам места показались очень удобными для будущих хлебных пашен. Почвы, близкие по составу к черноземам, определили это место как территорию, где надо ставить острожек, куда в будущем из Енисейского острога пойдет поток крестьян-переселенцев.

Но первым делом, проходя вверх по Ангаре, следующие за первопроходцами казаки, внимательно вглядываясь в обширные горные обнажения, искали разные руды и другие полезные ископаемые. «Уже на карте Ремезова, — писал известный сибирский исследователь И.И. Серебренников, — напротив Осинского острова на левой стороне Ангары была сделана надпись: "железные заводы" и поставлен символический знак поселения, ниже изображено зимовье и новая надпись: "вновь обыскана железная руда"» (5, с. 47–48).

Действительно, замечание И.И. Серебренникова о возможных проявлениях железных руд в окрестности бывшего Осинского острога небеспочвенно, так как коренные породы этой территории буквально насыщены окислами железа и наличие небольших проявлений руды вполне возможно.

Другое полезное ископаемое, обращающее на себя внимание, — соли. Одним из первых горных промыслов, имевших место на Осинском острове, было солеварение. Судя по отсутствию продолжения этого занятия, запасы поваренной соли оказались незначительны и она была чрезвычайно загрязнена примесью горьких солей. С последними часто бывают связаны проявления самосадочной селитры. Подобные проявления этого столь необходимого минерального сырья, используемого для производства пороха, имеются в другом месте Восточной Сибири, на Доронинских озерах в Забайкалье. Происхождение скоплений селитры связывается с местами обширных и постоянных скотоводческих стоянок, это результат жизнедеятельности домашних животных (1). Не случайно на устье Осы поселился путешественник и ученик Я. Линденау, находя средства для пропитания в добыче селитры.

Выше по течению Осы в самой широкой части долины на высоком левом берегу встала Слобода — нынешняя Оса.

Существует легенда, что от маленькой избушки братьев Харитона и Павла пошли Долгополовы и Павловы и стала расти Слобода (Оса). По преданию, позже Павел основал деревню Морозу. По другой версии, братья дали начало роду Дранишниковых.

У гораздых на выдумку осинских жителей сохранилось предание о том, как поселились братья на Осе (по-бурятски «охо» — «вода»). Сначала осели они на илимской пашне, потом с семьями бежали на Илгу, а с Илги — уже на Осу. Судьба милостливо

Нынешняя Оса. Фото Л. Лузгиной, 2010 г.

обошлась с беглецами. С малыми деньгами дошли они до устья Кахинки. Да и Бог помог: богатому буряту хогойского рода по душе пришлись братья. Во хмелью от тарасуна, в порыве бахвальства, предложил им на левобережье за рекой участок за 20 петровских монет («хорито» — «стоит двадцать [монет]» /7, с. 589/): «Дай руку, дай хори (двадцать) монет».

Вблизи Осы стали лепиться небольшие деревушки: то с русскими, то с бурятскими названиями. Ближе всех, выше по течению — Лузгина. Вначале поселение стало развиваться на Голом мысе (Голомыска). Но это место в долине хорошо просматривалось с горы Хоригто — как на ладони. Поэтому Лузгину переместили деревню на восток, на западный склон пади Долгой, а Сирины — на восточный лесной бугор. Здесь и лес для дров и строительства, вода для питья и водопоя лошадей; спасительная тень летом и затишье зимой на релке двух падей — Долгой и Каменной, на восточном ее склоне. В обеих падях были родниковые ключи. Напротив падей находился устьевый конус выноса речки Кахи с огромной площадью заболоченных покосов.

После переселения Голый мыс (Голомыска) представлял собой заброшенный пустырь, где никто не селился. Он и стал границей деревни Лузгина и осинской Слободы. Место основателями деревни определилось по поговоркам: «Лес да вода — всему голова», «Дров да воды — хватит до нови».

Отец пишет: «До сих пор никто не осмелился назвать дату основания Лузгиной деревни. Есть предположения, что основали ее отставные казаки-первоходцы, осевшие на пашню по достижении пожилого возраста. До последнего времени сохранялось для первых обитателей деревни — Лузгиных деревенское прозвище "зыряне"».

Хотя никто не объясняет, на что это прозвище указывает: на Зыряновскую слободу (1791 г.) в Кузнецком Алатау или на северо-восток Руси? Скорее — последнее.

Внимательно изучая архивные документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов, автор очень важного для многих сибирских родословов научного исследования «Илимская пашня» В.Н. Шерстобоев, без указания на номер фонда, сообщает в главе IV «Общественная жизнь крестьянства», в разделе «Крестьянское самоуправление» о событии, произшедшем в 1726–1727 годах в Илимском воеводстве: «В 1720 году среди приказчиков Илимского воеводства появляется Григорий Курбатов; в течение трех лет он сменяет волость за волостью и, очевидно, постигает нехитрые приемы вымогательства» (8, с. 180). Посыпались челобитные крестьян «в обидах и разорении» от Г. Курбатова. Но похоже, Курбатова поддерживал илимский воевода, были у него и в Иркутске влиятельные друзья.

В 1726 году общемирская жалоба чечуйских крестьян, которые учли неудачный опыт своих соседей, была послана непосредственно в Иркутск. Судебное разбирательство длилось около года. В итоге потребовалось присутствие в Иркутске трех главных доносителей: Семена Старцева, Савы Богомолова, Екима Мельникова. Однако в Илимск, для отправки в Иркутск, привезли только Старцева, «Богомолов уехал на рыбалку, а Мельников остался "за объятием скорби"» (8, с.182).

«Но чечуйские пашенные крестьяне, — пишет В.Н. Шерстобоев, — решили не упускать случая и выбрали "ответствовать" за Богомолова Григория Лузгина, в чем и дали ему "выбор за своими руками". Лузгин, прибыв в Илимск, подал воеводе челобитную, прося отправить его вместе со Старцевым.

Может быть, неожиданное появление добровольца смущило воеводу, который собирался отправить доносителей под охраной. Теперь положение изменилось, и воевода решил отобрать от чечуйских ответчиков подписки, что они сами явятся в Иркутск к 24 сентября [1727 г.]. Но так как было уже 15 сентября, то воевода выдает крестьянам подорожную. Копия этой подорожной сохранилась.

Получилось нечто курьезное: "По указу ея императорского величества самодержицы всероссийской и прочая и прочая и прочая. Отпущены из Ылимска в Ыркутской город Чечуйского острогу пашенные крестьяне Семен Старцев, Григорий Лузгиных". Крестьяне могли ехать с удобствами, мир оплачивал расходы за своих ходатаем.

Так Курбатов не попал вторично на место подчиненного комиссара» (8, с. 182–183).

Что же представляла собой та северная территория, откуда Г. Лузгин выехал в далекий «Ыркутск»?

Сначала Чечуйская ясачная изба (зимовье), потом Чечуйская деревня, позднее — острожек (в 1671 г.) удобно располагались на Лене на выходе Чечуйского Тунгусского волока. (Слово «чечу» или «чочу» /якут./ означает «точило, точильный камень» /4, с. 207./) Всего в 27 километрах от Лены расположена долина Нижней Тунгуски. В XVII–XVIII столетиях эта местность имела чрезвычайное стратегическое значение: она соединяла русские поселения в низовьях Енисея с бассейном Лены, по Лене и ее притокам шло дальнейшее освоение северной части Сибири, вплоть до океана. Все походы Е. Хабарова и Н. Черниговского к Амуру проходили также через Чечуйскую волость. В первой половине XVIII столетия продвижение участников экспедиций В. Беринга опять-таки проходило по Лене. Илимское воеводство стало главным поставщиком всего необходимого для этих экспедиций.

Но вернемся ко времени освоения территории Илимского воеводства. Во многих архивных документах, имеющих отношение к Е. Хабарову, Чечуйская деревня так или иначе связана с личностью этого исторического персонажа. Первым пашенным крестьянином был здесь Панфил Яковлев — близкий друг Хабарова. Сам Хабаров еще до амурского похода построил в 5 километрах выше Чечуйска, на речке, которую после называли Бобошиной, мельницу. Уходя на Амур, Хабаров передал ее во временное пользование брату Панфила — Федье Яковлеву. Чечуйская волость, располагаясь на границе Илимского и Якутского воеводств, в то время входила в состав последнего. Территория Чечуйской волости, очевидно, представляла для Хабарова и его соратников особый интерес и какие-то выгодные условия для его деятельности. Вряд ли его интересовали пашенные угодья. Сам Панфил Яковлев предпочтение отдавал разведению лошадей, и документы сообщают, что их у него был целый табун.

После амурского похода Е. Хабаров оказался большим задолжником. И вскоре он претендует на должность приказчика Чечуйской волости, намереваясь рассчитаться с долгами на этой службе. Эта новость, кстати, вызвала неудовольствие чечуйских крестьян.

Не надо забывать, что Чечуйск расположен на широте нынешнего Бодайбо и ожидать хороших урожаев зерновых культур было маловероятно. Северные подзолистые почвы быстро выпахиваются. И жителей чечуйской пашни всегда лихорадило: то от недородов, то от отсутствия яровых семян, то от ленских наводнений.

В связи с этим странным кажется пожелание царского Приказа новому якутскому воеводе от 1658 года: «...и мочно ли в тех в ужих местах до Чечуйского волоку пашни завесть и крестьян на пашню устроить». Очевидно, центральная власть не очень хоро-

шо представляла, в каких условиях выращивается в окрестностях Чечуйского хлеб. А лихоимство жадных приказчиков ухудшало и без того трудное положение. Судя по всему, эти проблемы остались и с переводом Чечуйской волости в Илимское воеводство (3, с. 116–117, 624–640).

Но, тем не менее, яркий пример, показывающий характер наших предков, законопослушных и готовых пострадать «за общество» и остающихся верными своей крестьянской сущности, свидетельствует о том, что они старались обрести здесь, в Сибири, крепкие корни.

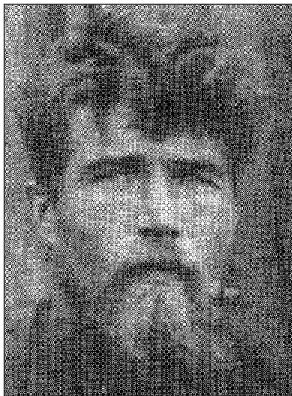
В 1980-е годы мне приходилось бывать в современной Атала́нке на Братском водохранилище. В говоре коренных обитателей, живших еще в старой Атала́нской, на Ангаре, — Слободчиковых (выходцев из Илимского воеводства) бытует колоритное слово «чечуечка», означающее «чистенькая, аккуратненькая», «как на выставке».

После сообщения о случившейся поездке в Иркутск фамилии Лузгиных, а также Сириных более не встречаются на страницах «Илимской пашни». Есть основания предполагать, что поездка Г. Лузгина в Иркутск сыграла очень важную роль в его жизни, расширила горизонты его представлений о просторах Приангарья. Он увидел в окрестностях Осы территории, пока еще не освоенные, более благоприятные для земледелия. Не случайно даже спустя три века гордостью потомков осинского рода Тириковых были их земельные угодья в так называемой Золотой пади (не подалеку от Усть-Алтана), с немыслимо плодородной почвой, дававшей богатейшие урожай зерновых культур.

А что же Лузгин? Основой их хозяйства здесь, в Осинской долине, по-прежнему была пашня. В свободное время — охота и рыбная ловля. Тяга к земле, вероятно, у сибирских Лузгиных в крови. Не были они первоходцами, не стали бродяжить, а прочно осели на хорошую пашню.

Прошли не года, а века сибирских Лузгиных на осинской земле. Отец моего прадеда — Василий Матвеевич — занимался мельничным делом. Известны сведения о трех его сыновьях. Никифору досталось работать на общественной мельнице (нынешним жителям Осы и Лузгиной место, где она стояла, известно как хорошая купальня, оно так и называется — «мельница»). Илья помогал брату и служил в волостной управе. Федору осталось для жизни только перешедшее от отца ремесло.

Мой прадед — Федор Васильевич, сын Василия Матвеевича Лузгина, слыл хорошим каменотесом: тесал из крепкого песчаника в Галдайском хребте жернова для водяных мельниц. Жернова, вышедшие из его рук, мололи муку в Каменке и Харае, возле Осы

**Гавриил Федорович
Лузгин, 1947 г.**

новне Беляевой (1904–1985) из деревни Харай (в переводе с бурятского — «небесная»).

Деревня расположена при слиянии падей Хурый и Шибартуй на узкой пойме у о斯特иненной «подушки» Галдайского хребта. Здесь в мае 1878 года среди многих Беляевых родился Иван Афанасьевич. По одним сведениям, семья его была из ясачных и довольно бедной. Кроме сестер были у Ивана два брата — Ефим и Кузьма. Рано лишившись родителей, они начали трудиться, стараясь выйти в люди, но судьба «повернулась к ним спиной».

Другая версия (более вероятная) говорит о том, что отцом Ивана и Кузьмы был некий Афанасий, ссыльный, который бросил Анну Саввишну (неизвестно откуда попавшую в Харай) с мальчиками, и она родила еще несколько детей, в том числе Ефима, от Михаила Парникова. Хотя Ефим стал потом носить фамилию Парников, но все его называли «Сорокиным». Анна Саввишна не смогла вырастить детей, тихо умерла. Детей разобрали соседи. Ивана и Кузьму приютил Кузьма Семенович Парников, вдовец, у которого была еще дочь Анна.

Не имея ничего, кроме крыши над головой, Кузьма Парников отдавал мальчишкам батрачить у других сельчан. Когда парни стали самостоятельными, они взяли распространенную в деревне фамилию — Беляевы.

Ивану Афанасьевичу прочили многое на роду, но совершившееся пришло мало. Жена его — Анастасия Васильевна (Спицына), была дочерью ссыльнокаторжного из Бугурусланского уезда Самарской губернии. Знакомство будущих супругов произошло в доме известного иркутского врача Н.Н. Бессонова. Иван Афана-

и Лузгиной. Долгое время на пустыре на месте его бывшей усадьбы в деревне Лузгиной лежал большой жернов. И младшего сына своего — Ганьку, моего деда, он обучил искусству каменотеса.

Собственно, на Ганьку Федор Васильевич и Матрена Николаевна (урожденная Беляева, 1870–1930) возлагали все свои надежды. Старший сын, Василий (1890–1952), смолоду отделился, оставались четыре дочери (Анисья, Наталья, Мария, Нина) и подросток Гавриил. Доучиться в школе Ганьке не пришлось. Летом — пашня, зимой — каменный промысел и заготовка дров.

Женился Гавриил Федорович Лузгин (1905–1983) по любви на Устинье Ивановне Беляевой (1904–1985) из деревни Харай (в переводе с бу-

сьевич привозил в усадьбу Бессонова дрова и сено из деревни. Часто выполнял некоторые поручения Николая Николаевича по хозяйству. Молодая, подвижная кухарка Анастасия, невысокого роста, с черными слегка вьющимися волосами, одевавшаяся совершенно по городской моде, обратила на себя внимание приезжавшего в город Ивана.

Один из братьев Анастасии — Антон — тоже был отдан в работники, в семью других состоятельных иркутян, поскольку их отец отбывал каторгу в Александровском Заводе. Много лет спустя Антон Васильевич был шеф-поваром одного из иркутских ресторанов.

В Осинской долине усадьба молодой семьи Беляевых находилась третьей от края деревни Харай, на выходе к мосту через речку. Вначале купили маленький домик в Осе, переплавили через речку в Харай и почти у самого берега поставили его. Заработанных и скопленных денег у молодых на большее не хватило. Поэтому стали работать день и ночь. Летом Иван работал в деревне, на пашне, зимой кучерствовал в городе. Анастасии пришлось даже батрачить в хозяйствах зажиточных жителей Осинской долины.

Дом, как и все избы, окнами выходил на улицу. В глубине ограды стояло зимовье, где обычно летом проводили большую часть времени. За жилыми постройками обнесенные в круговую крышей (как бы вдоль улицы) лепились хозяйствственные постройки: коровник, свинарник, курятник, овчарник, стойло, сеновал и навес для лошадей. В переднем дворе — маленький амбар с подвалом, сарай для сельхозинвентаря, телег, саней и дров. В огороде — баня и дальше — дымный овин. Из всех родившихся детей Беляевых выросли лишь дочь Устинья и сын Георгий (1914–1964). В начале 30-х годов XX века Иван Афанасьевич с семьей перебрался в Иркутск. Вначале жили в Кузнецких рядах, потом купили на Пшенничной улице домик. Хозяин продолжал заниматься извозом, но однажды так и не вернулся домой, пропал невесть где.

Анастасия Васильевна жила с сыном и его семьей. Иногда в этом доме, у бабушки, бывал и мой отец. А в первые годы своей учебы в университете он жил здесь с бабушкой Анастасией. Это было послевоенное время, Гавриил Федорович хорошо зарабатывал на Севере и посыпал сыну деньги на учебу. Мой дед гордился тем, что его сын получит высшее образование. А Николай Гавrilovich не хотел продавать на рынке молоко от бабушкиной коровы и крынки с молоком просто оставлял за углом, а Анастасии Васильевне отдавал деньги, присланные отцом, или из стипендии.

Страница из паспорта Ивана Афанасьевича Беляева

Моя бабушка Устинья Ивановна всегда казалась мне чересчур строгой и требовательной. А поскольку мне ближе была моя веселая и добрейшая забайкальская бабушка, я по-детски эгоистично выбирала для поездок на лето забайкальские степные просторы.

Откуда мне было знать, что в жизни своей пережила эта суровая женщина, Устинья Ивановна, которая была почти полной противоположностью моего веселого деда Гани. Которую сразу невзлюбила ее свекровь. Которая в трудные, голодные 30-е годы растила одна троих сыновей, пока Гавриил Федорович отбывал десятилетний срок на Беломорканале. Потом она ехала вслед за мужем в далкий Верхоянск, пережила смерть старших сыновей, военные годы на северном прииске, цунами на Курильских островах.

Я помнила ее, тогда еще физически крепкую и выносливую, когда они с дедом, можно сказать на пустом месте, заново построили в Приморье свой дом, посадили и вырастили большой сад. Разве я тогда могла понять, отчего они бросили эти благодатные края и при первой же возможности поехали ближе к родным местам?

Начало XX века потревожило старинную деревню Лузгину. Предстоит еще узнать, как она пережила Первую мировую войну. Гражданская тоже отозвалась на старинном укладе деревни, но с

20-х годов начался «раскол». Это борьба советской власти с так называемыми белобандитами, спровоцированное крестьянское «повстанческое движение» и его первые жертвы — репрессированные в начале 30-х годов «по политическим мотивам». Старики вспоминали и о голоде тридцатых в самых богатых пашнями сибирских деревнях.

Молодой деревенский парень, мой дед Ганька Лузгин, заглянувший, как ему казалось, на вечерку в одну из деревенских изб, где какой-то приезжий вел с пришедшими ради любопытства мужиками разные пустые разговоры, спустя время был арестован. После недолгого суда, на котором он так и не понял, в чем его обвиняли, Гавриил попал на строительство Беломорканала. Трудовые навыки, привитые с детства, мастерство умелого каменотеса да и вообще желание каждодневно трудиться помогли ему не согнуться, мало того, его «ударный труд» пошел в засчет на уменьшение срока до семи лет.

Много позже мой отец романтично предполагал, что выжить деду «помогала» его прародина, ведь мы, сибирские Лузгини, оттуда, с истоков Двины... Только Гавриила Федоровича манила к себе другая родина — маленькая, студеная, сибирская Лузгина. Он шел к ней долго: работал в Крыму, выращивая виноград, работал на Урале, возле Челябинска, после того как у него в поезде украли деньги... И всякий раз, уезжая из родной, но неласковой к нему деревни, он всегда тянулся к ней.

Устинья Ивановна и Гавриил Федорович Лузгини, 1943 г.

Почему отец мой на склоне лет своих зачастил к своей осинской родне, откуда мне было знать? Пока не поплыли перед глазами обширные пространства Осинской долины, зеленые ковры лесов, красноцветные обнажения скальников. Что-то смутно родное, древнее предстало перед глазами. Ведь это тоже моя родина и я тоже — Лузгина.

Заканчивая свое долгое повествование, Н.Г. Лузгин пишет: «Не занимать красот деревне Лузгиной, она сама еще не расходована до конца. Посмотри вокруг!

Что может сравниться: осинская пыльная Слобода, или идущие в одну улицу Янгуты, или Харай, прижатый к берегу Осы?

Слева, внизу — ушла в землю добротными старыми домами и огородами Голомыска. Сверху, слева подступает Слобода своими ходулями опор. А впереди, словно нарисованными на зеленом, идут желтыми бортами линкоры-горы, на палубах которых рассыпаны толпы людей. Близкий уже своим носом начал рассекать Кахинскую долину. А дальше, справа и слева такие же, за ними следуют еще и еще, только не видно дыма.

А перед нами, с юга на север, к реке Осе пологими увалами спускается широкая падушка с населенными на ней домами и до-

Деревня Лузгина. Фото Л. Лузгиной, 2010 г.

мишками. И нет здесь такой безвыходности, как в других деревнях, — кругом есть простор: на луг к речке, наверх к лесу, полям и пашням. Только далеко темными полосками изгородей обозначены старые места поскотины.

Нужно ли быть патриотом, чтобы увидеть эту красоту, разницу и преимущества нашего села? Конечно, нет!

Широкие улицы, расположенные по рельефу, полого идущие на подъем и опускающиеся вниз. Сравнительно редко расставлены усадьбы с традиционными воротами и заплотами, но с открытыми прядлами огородов.

Каждой избе и двору — одно- или двухэтажный амбар. В центре села школа, маленькая, начальная, но высокая и светлая. На самом видном месте — торговая лавка. Нет узких и грязных переулков, глухих углов и тупиков. Все остальное — типично колхозное. Деревня, что-то среднее между бурятским улусом и русской слободой.

Жили же наши предки — и ничего, пережили не то — выкарабкались...»

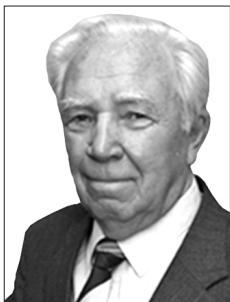
ЛИТЕРАТУРА

1. Бетехтин А. Минералогия. М.: Госгеолиздат, 1950.
2. Иркутская область, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ: общегеографическая карта. Иркутск, 2006.
3. Красноштанов Г.Б. Ерофей Павлович Хабаров: документальное повествование. Хабаровск, 2008.
4. Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутск, 1995.
5. Серебренников И.И. Иркутская губерния в изображении «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова // Земля Иркутская. 2007. № 2 (33).
6. Тириков А. Черные тени: роман. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. издво, 1980.
7. Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М., 1973.
8. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001.

СЕЛО ГРУДИНИНО — МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

*Мефодий Иванович Грудинин,
доктор геолого-минералогических наук,
профессор Иркутского
государственного университета,
г. Иркутск*

Небольшое село Грудинино до 1954 года (почти до времени заполнения Иркутского водохранилища) располагалось на одном из живописнейших островов поймы реки Ангара, примерно в 20 километрах выше по ее течению от Иркутска. По возрасту это село, скорее всего, не очень отличается от города. Во всяком случае, по-видимому, еще в XVIII веке деревня была отстроена и обустроена. Уже в те годы она имела, по крайней мере, около 50 дворов с прилегающими к ним обширными огородами, а также не менее обширными полями для зерновых культур. Если возделывание огородных культур (преимущественно картофеля, капусты и моркови) проводилось непосредственно возле своих домов, то зерновые — рожь, пшеница, овес, ячмень — высевались в некотором удалении от деревни, в ее юго-западной части, на взгорье, как тогда говорили в деревне — «на угоре». При постройке железной дороги в конце XIX века поля зерновых культур оказались за железнодорожной насыпью.

Следует также заметить, что река Ангара в этих местах, а также многочисленные ее протоки и заливы изобиловали рыбой и являлись прекрасным местом для рыболовства, а окрестные таежные леса, где в большом количестве встречались разные звери и дичь, оказались излюбленными местами для охотников. В связи с этим, наверное, почти каждый житель старой деревни был рыбаком или охотником, а чаще всего тем и другим. Есть предположение (по крайней мере, мне об этом поведал еще в 50-х годах прошлого столетия старожил деревни, георгиевский кавалер Первой мировой войны Петр Андреевич Черкашин), что на берегу одного из глубоких заливов, у северо-западной оконечности деревни, в начале XIX века существовала небольшая судостроительная верфь. На этой верфи делали первые судна для плавания по Байкалу. Да, это тот самый Черкашин, сын которого

совершил геройский поступок во время Великой Отечественной войны, выбросив еще не взорвавшуюся вражескую гранату обратно в стан фашистов (2). Из нашего села много молодых людей было призвано защищать страну в начале той войны; многие не вернулись с фронта, а вернувшиеся все имели разного рода правительственные награды.

В XIX веке на средства крестьян в деревне вначале была построена часовня с алтарем, а в 1884 году эта часовня была преобразована в церковь во имя Михаила Архангела. Этот храм «...приписали к Николаевской церкви с. Кузьмичинское... Освящение приписанной церкви состоялось 3 июля 1913. После ее закрытия в 1930-е в храме устроили клуб. Здание не сохранилось» (3, с. 81). Здание действительно не сохранилось, хотя его как клуб перевезли на новое место деревни — Новогрудинино, но в 90-е годы прошедшего столетия оно по неизвестным причинам сгорело.

В те далекие времена, вплоть до 30-х годов прошлого столетия, все жители этого села носили фамилии преимущественно Грудининых, Платоновых, Черкашиных и Чувашевых. Причем Грудинины составляли абсолютное большинство, наверное, не менее трех четвертей семей всех жителей деревни. Скорей всего, именно по этой причине женихи из семей Грудининных выбирали своих невест чаще всего из ближайших деревень — Михалёво, Ершово (Ерши), Марково. Ерши — в наши дни так называют местность, где находятся садоводство с одноименным названием, водозабор, а также новостройки. Моя бабушка была уроженкой деревни Ершово, которая в настоящее время также покоится на дне Иркутского водохранилища, в его левобережной части, примерно в 3-4 километрах от плотины Иркутской ГЭС.

Достоверно известно, что мой прадед по отцовской линии — достаточно зажиточный крестьянин Илья Иванович Грудинин, проживавший в деревне Грудинино, имел трех сыновей, среди которых и был мой дед Мефодий, 1848 года рождения. У Ильи Ивановича в 1885 году было три работника по хозяйству, что могли себе позволить не многие хозяева. Из 34 дворов Грудинино, имевших работников, только в девяти было по три работника и более (1). О зажиточности или во всяком случае безбедном существовании семьи Ильи Грудинина говорит тот факт, что его сыновья были обучены хотя бы азам грамоты, что в те годы считалось большим достоинством. Тогда не все семьи имели возможность учить даже начальной грамоте своих детей. Надо полагать, что когда Мефодий был призван в царскую армию, он имел уже какое-то образование. По крайней мере, такое образование дало ему возможность, служа в армии, получить младший офицерский

*Унтер-офицер Мефодий Ильич Грудинин
(сидит) с подчиненными. Около 1887 г.*

чин — унтер-офицера (заканчивал он службу фельдфебелем в казачьих войсках). Надо иметь в виду, что в армии Мефодий Ильич служил где-то около двух десятков лет.

Из армии он возвратился уже вполне сложившимся сорокалетним мужчиной и выискивал себе в жены зрелую, по представлениям того времени, девицу, 21 года от роду, из деревни Ершово — Екатерину Александровну Соловарову. В браке Мефодия Ильича с Екатериной Александровной было рождено четыре сына — Иван, Прокопий, Артемий, Александр — и дочь Клавдия. Мефодий Ильич с совсем еще юным сыном Артемием в августе 1910 года во время рыбной ловли утонули в Ангаре.

Его супруга — Екатерина Александровна, оставшись вдовой в 42 года, прожила долгую, правда, в основном трудную, но, как она говорила, счастливую жизнь. В деревне бабушку не называли ни баба Катя, ни бабушка Катерина, а чаще всего «баушка Нифодыха», по имени ее погибшего супруга. А за глаза называли «сот-

ским», скорей всего, за ее достаточно деятельный и энергичный, а временами крутой характер. После трагической гибели супруга бабушка еще добрых полтора десятка лет пребывала полной хозяйкой дома в центральной части деревни, в котором к середине 20-х годов прошлого столетия проживало более 20 человек — ее детей и внуков. У бабушки было 11 внуков и 11 внучек, и всех она любила, никого не выделяла, часто любила рассказывать разные занимательные истории. Например, рассказывала о событиях, которые происходили в деревне во времена Гражданской войны: как белогвардейские отряды, руководимые генералом Каппелем, проходившие через деревню, у местных крестьян отбирали лошадей, уводили скот... Но, пожалуй, наиболее тяжелым испытанием для бабушки, да разве только для бабушки, была Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Дело в том, что в декабре

*Супруги Афанасьевы, Афанасий
и Акулина, с младшим сыном Алексеем. 1913 г.*

1942 года, когда бабушке исполнилось 75 лет, умерла от истощения ее невестка Мария, жена младшего сына Александра, находившегося тогда на фронте. Бабушка вынуждена была взять на себя все хозяйские заботы и бремя воспитания пятерых сирот — своих внучат, младшей из которых едва минуло два года, а старшему — 14 лет. Как они выжили — одному Богу известно. Отец этих детей погиб на фронте. Однако, как говорится, мир не без добрых людей. Поддерживали и помогали родственники, соседи и просто хорошие люди. Например, мой папа на правах старшего брата считал первейшим долгом всячески помогать этим сиротам, даже в ущерб своему здоровью (в войну он почти не спал). В те труднейшие времена для простого народа нашей страны взаимопомощь и поддержка ближнего были смыслом существования. Это, наверное, и спасло нашу страну от порабощения. Домой бабушка вернулась только весной 1946 года, очень постаревшая и истощенная, но прожила еще девять лет, скончалась 6 июня 1955 года.

Старший сын Мефодия Ильича Иван (мой отец) родился 11 июня 1888 года, имел начальное образование, женился рано — в 19 лет. Его родители высватали невесту — семнадцатилетнюю Ольгу Афанасьевну Афанасьеву из деревни Марково (ныне центр Марковского муниципального округа Иркутского района), наперекор другому грудининскому жениху, который за нее сватался ранее. Надо полагать, что брак моих родителей оказался удачным: насколько я помню, родители, несмотря на тяжелый крестьянский труд и другие житейские невзгоды, жили в дружбе и полном согласии. Уважительно и с любовью относились к своему зятю, моему папе, мамины родители — дедушка Афанасий и бабушка Акулина.

Папа был человеком доброжелательным, открытым, но порою вспыльчивым, правда, мама с этим недостатком родителя, на мой взгляд, легкоправлялась. В молодости, после службы в армии, папа работал продавцом в Михалёвском магазине, а затем много занимался сельским хозяйством. Однако при организации колхоза в деревне быть колхозником категорически отказался, а поступил работать на железную дорогу в качестве путевого обходчика и прослужил железной дороге более 20 лет. Но самой большой привязанностью моего родителя были, конечно, рыбалка и особенно охота. Надо полагать, по-видимому, не случайно, несмотря на стесненное финансовое положение семьи, папа мне на память, в связи с окончанием университета, подарил дорогое по тем временам немецкое двуствольное охотничье ружье известной марки «Зауэр». Это ружье, в свою очередь, я подарил свое-

Супруги Иван Мефодьевич и Ольга Афанасьевна Грудинины с детьми: Мефодием, Екатериной и Марией (сидит). 1951 г.

му внучатому племяннику — Владиславу Борисовичу Бубликову. Скончался мой родитель на 69-м году, в 1956 году в Иркутске.

Мама моя, Ольга Афанасьевна Грудинина (в девичестве Афанасьева), родилась 24 июля 1890 года, как я уже писал, в деревне Марково под Иркутском. По характеру мама, в отличие от моего папы, была человеком спокойным, уравновешенным и чисто по-русски терпеливым. Из очень скучных сведений известно, что по молодости маме непросто было ладить с достаточно властным характером моей бабушки, ее свекрови, Екатерины Александровны. Зато в преклонном возрасте, они прожили вместе почти полвека, бабушка высоко ценила деловые и другие качества моей мамы, и смею уверить, что относилась к ней очень уважительно и даже, я бы сказал, с любовью. С папой же мама жила в любви и полном согласия. Как сказал один из моих племянников, ее внук Вячеслав Недельский, бабушка в одну из бесед ему поведала: «Мы с твоим дедом Иваном нашу долгую жизнь прожили как песню пропели». Надо ли комментировать эти слова в наш несговорчивый век! Возникающие время от времени у моего родителя вспышки гнева мама как раз и гасила, как мне кажется, именно спокойным и уравновешенным характером, своим терпением. Как мама, так и папа никогда не вмешивались в семейную жизнь своих взрослых дочерей, наверное, именно по этой причине все зятья к

моим родителям относились с большим уважением и почтением. К маме уважительно относились селяне и называли ее обычно «Афанасьевна». В городе, где она сбывала молочные продукты, рыбу, дичь, ее клиентки называли ее не иначе как Ольга Афанасьевна. Несмотря на полную неграмотность, мама могла с любым человеком поддержать беседу, была интересным собеседником для моих коллег — научных сотрудников. Не стало мамы 30 июня 1969 года.

От брака моих родителей осталось шестеро детей: четыре дочери и два сына.

Самая старшая из сестер родилась 7 апреля 1908 года. С раннего детства и до конца ее жизни — 8 декабря 1991 года — все мы звали ее Нюрой. Нюру рано выдали замуж, и еще задолго до моего появления на свет она стала Анной Ивановной Чувашовой (ее супругом стал житель той же деревни Иннокентий Гаврилович Чувашов). От природы Нюра была человеком очень приветливым и необычайно добрым. В браке Иннокентий Гаврилович и Анна Ивановна имели двух дочерей — Лидию и Галину, а также сына Георгия. У Нюры было только начальное образование. В молодости она занималась сельским хозяйством, работала в местном колхозе. В зрелые годы общественностью деревни была рекомендована на должность продавца в местном магазине.

Сестра Лида родилась 4 апреля 1913 года. С малых лет также работала в сельском хозяйстве, затем была отдана в «няньки». Жила на прииске Ципикан, на севере Бурятии, затем в городе Сретенске Читинской области. Домой вернулась перед самойвойной с любимым мужем Федором Меркуловичем Попковым, который воевал на фронтах Отечественной войны, был ранен, имел награды. До сих пор вызывает большое уважение, насколько трепетно и бережно относилась эта пара друг к другу. Лида также была человеком очень добрым, а главное — удивительно доверчивым. Для нее не существовало плохих людей.

Сестра Мария, родившаяся вслед за Лидой — 2 августа 1915 года, в отличие от своей старшей сестры, напротив, к посторонним людям относилась, если можно так выразиться, без открытого забрала — более осторожно. Она была человеком практичным, неплохо разбиралась в людях. Замуж вышла за местного деревенского парня — Семена Михайловича Бубликова. По тем временам жили они достаточно обеспеченно — часть жизни (до затопления Иркутского водохранилища) прожили на железнодорожном разъезде вблизи станции Подорвиха, а последние годы жизни — в Иркутске. Семен работал на радиозаводе, а Мария — уборщицей в военной части. У этой супружеской пары было двое

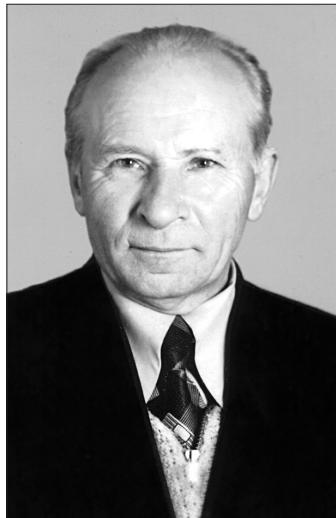
сыновей — Олег и Борис. Мария скончалась 21 февраля 1991 года.

Брат Иннокентий (в семье все мы звали его Кешей) родился 9 декабря 1918 года. Это, пожалуй, самый почтаемый из детей моих родителей. Он с похвальной грамотой окончил 42-ю среднюю школу (ныне 36-й железнодорожный лицей) города Иркутска и поступил учиться в Ленинградский индустриальный институт. К сожалению, окончить ему это учебное заведение не было суждено — помешала война. С пятого курса, осенью 1941 года, он ушел добровольцем на фронт, имел награды — орден Красной Звезды, медаль «За оборону Ленинграда». По ранению был демобилизован в 1943 году и тогда же поступил учиться в юридическую школу (что-то вроде техникума) в Иркутске. По окончании школы стал работать в городской адвокатуре и одновременно учиться во Всесоюзном юридическом заочном институте. По окончании института работал адвокатом, членом областного суда, заместителем председателя областного суда. Ушел на пенсию в звании «Федеральный судья в отставке».

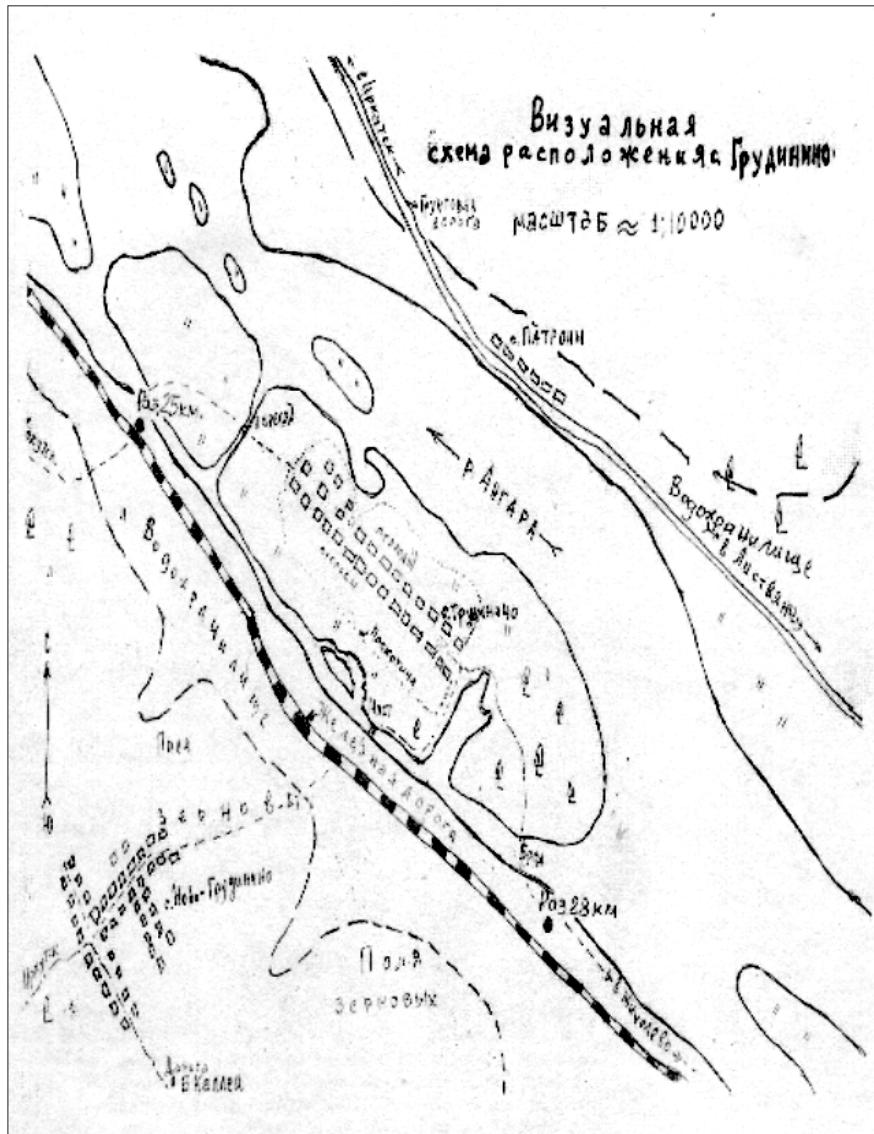
Младшей из сестер была Катя, она родилась 21 декабря 1925 года. Как младшая была баловнем моих родителей, которые всячески старались освободить Катю от тяжелых сельскохозяйственных дел, по возможности лучше одеть. Правда, в военные годы и ей досталось: с 16 лет она стала работать токарем на судоремонтном заводе. Затем после войны училась в кооперативном техникуме, но, выйдя замуж за Ивана Ивановича Недельского, она так и не закончила его. Однако всю жизнь проработала бухгалтером. В браке Екатерины Ивановны и Ивана Ивановича Недельских родилось двое детей — Вячеслав и Ольга.

Следует отметить, что дети моих родителей (в том числе и я) всегда (и в те времена, когда стали все взрослыми) жили между собой дружно, без ссор, любили и заботились друг о друге, сопреживали житейские невзгоды, по возможности помогали друг другу и радовались удаче каждого из нас.

Самой главной чертой всей нашей достаточно многочисленной семьи являлась огромная любовь к нашему краю, нашим полям и долам, нашей замечательной деревне Грудинино. И конечно же,

*Иннокентий Иванович
Грудинин. 1981 г.*

Карта-схема села Грудинино

любовь друг к другу. Помню, как мы в далекие годы любили собираться вместе в нашем, как нам казалось, большом, просторном и удивительно светлом, во всех отношениях, доме. Конечно же, все радости жизни своих детей обеспечивали наши дорогие родители. Пусть будет всегда и у всех только так!

Не могу не отметить, что вся наша семья — родители, сестры, старший брат и я, как нас всех называли в старой деревне — Мефодьевские (по имени деда Мефодия Ильича), жили честно, в согласии с собой. По мере сил и возможностей трудились, не подвергались уголовным преследованиям, словом, жили с открытым сердцем и душой, и главное, никто из нас никогда не подличал и никого не предавал. И еще, низко склоняю голову перед своими родителями, сестрами и братом, которые много отдали сил и здоровья, чтобы я получил достойное образование, а самое главное — замечательную любимую мною профессию геолога.

В заключение настоящего повествования позволю себе обратиться к Вам, уважаемый читатель, с просьбой-пожеланием. Кто бы Вы ни были — иркутянин или гость нашего города, бизнесмен, слесарь, пекарь или инженер, — относитесь бережно не только к себе и своим близким, но и ко всему, что нас окружает: лесам, водоемам, красивым и чистым берегам. Ведь в этом будущее Вашего потомства, будущее всего земного. Как же бывает порою приятно посмотреть на какую-нибудь молодую семью или группу молодых людей, по окончании отдыха на природе тщательно за собой убирающих остатки трапезы и другой мусор. Претворим же такие деяния в норму жизни! Какой же тогда будет чистой и опрятной наша необъятная страна и, прежде всего, наша малая родина. Однако здравомыслящего человека в век невероятного технического прогресса не может не беспокоить крайне хрупкое состояние нашей планеты под названием Земля, на экологию которой все больше и больше влияют не столько природные, сколько техногенные факторы. Неужели и теперь, после чудовищных природных катаклизмов, случившихся в марте 2011 года в Японии и повлекших за собой невероятные разрушения и огромные человеческие жертвы, мир необразумится? Судя по развитию последних международных событий, похоже, что нет. Игра с огнем всегда приводила к пожару. Опомнитесь, люди, опомнитесь, сильные мира сего! Вы полагаете, что вам все подвластно, вы все можете. Нет, это далеко не так. Силы природы все человечество могут смести как ненужную шелуху. Об этом надо помнить всегда, а в наш век в особенности.

P. S. Наш дом, который до 1947 года располагался на юго-восточной окраине «старой» деревни Грудинино, в настоящее время стоит в Иркутске на улице Кольцова, против Ботанического сада

университета. При работе над настоящей заметкой мне невольно пришла мысль посмотреть наш старый дом, благо что он находится в том же районе, где я проживаю в настоящее время. Поход на свое старое пепелище не прибавил мне жизненного оптимизма. Стены этого дома я покинул еще осенью 1961 года, перебравшись в коммунальную квартиру. Дом за прошедшее время, конечно, обветшал и смотрел на меня как бы с укоризной. Во внутреннюю часть строения зайти я не решился, да и, похоже, там никого не было, а главное — все было скрыто за новым высоченным железным забором. Веление времени. Вряд ли и пустили бы меня туда, если я даже и захотел. Да и что я мог сказать новым хозяевам? При этом посещении мне невольно на ум пришли, как мне казалось ранее — непрятательные, слова известной песни «Домик у дороги». Да, человеческая память вещь не только упрямая, но и, что особенно важно, при определенных условиях позволяет вспомнить давно забытые жизненные коллизии того или иного человека. При написании этих строк мне явственно представилась картина того почти драматического состояния нашей семьи, когда началась перевозка разобранного дома. С транспортом было очень плохо: перевезли только дом, а сеновал, хлев, сарай и другие хозяйствственные строения, по сути дела, были брошены. Скорее всего, на этой почве у папы случился инсульт. Мне также часто вспоминается икона, оставленная на чердаке уже перевезенного дома. Но более всего вспоминаются очаровательные окрестные места старой деревни типа Залив, Варварин лесик, Лога, Дорога на разъезд, Протока, Дорога в Михалёво... Да, действительно, на мой взгляд, без памяти о прошлом вряд ли возможно существование светлого будущего.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАИО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 24. Сведения о фабриках, заводах, промышленных заведениях, дворах и работниках. 1885 г.
2. Грудинин М.И. Варварин лесик. Иркутск, 2007. 171 с.
3. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века. М., 2000. 494 с.

«ДЕРЕВНЯ МОЯ, ДЕРЕВЯННАЯ, ДАЛЬНЯЯ...»

Татьяна Ивановна Парникова

...Кумлы — это деревня, расположенная вдоль реки Кумлы. Отчего произошло название деревни, от реки или наоборот, не знаю. Деревня эта в глухи Омской области, там много таких маленьких деревушек. Одна длинная прямая улица тянулась с севера на юг вдоль реки, метрах в 300–400 от нее. Деревня состояла из 40–50 домов, вернее, изб.

Избы стояли вдоль дороги по обеим сторонам. Избы одинокие, без всяких подсобных помещений, редко у которой были сени, хлев для скота, а то всякие там времянки из соломы. Жили люди очень бедно. К моменту как мы переехали с хутора в Кумлы (около 1940 г. — Публ.), здесь уже было всего дворов 20. Люди давно уже стали покидать эти места. Неурожай, ранние заморозки, не успевали созревать хлеба, и картошка вымерзала. Середина и конец тридцатых. Коллективизация. Насильно заставляли вступать в колхоз. Жизнь стала еще хуже. А потом война. Все мужчины и молодые парни ушли на фронт. Некому было обрабатывать колхозные поля, да и нечем. Сена накашивали мало. Вручную бабы копали большие ямы, на лошадях, быках возили в них сырую траву, топтали тоже люди и закапывали на силос. Когда кончалось сено, откапывали и возили на ферму силос. Коров и лошадей кормить часто было нечем. Лошадей подвешивали, чтобы они не падали, ноги отказывали. Веревками под живот — и за балку в конюшне. А которые не доживали до весны, их съедали, страшный голод. Помню, и мама однажды принесла домой конину. Оставшиеся от бойни кожи мы опаливали и съедали. Зимой из-под снега выкапывали кочерыжки от капусты, снег был глубокий, иногда до метра, и земля не промерзала. А еще зимой вечерами ходили мы на гумно, ловили воробьев, засунув руку в гнездо в соломенной крыше, где они ночевали. Варили с ними суп. А кто жил побогаче, то есть у кого была картошка, нам отдавали очистки, мама их сушила, толкли в ступке и пекли лепешки, очень горькие, но ели.

Как только весной появлялись проталины на полях, люди ходили в другие деревни, Красный Яр, Усольган, на колхозные поля копать мерзлую, гнилую картошку. А на пути надо было перебираться через реку Шиш. Когда река разливалась от таяния снегов, то по ней сплавляли лес. Иногда бревна нагромождались друг на дружку и получались заторы. Вот по этим бревнам и переходили люди за картошкой, а вечером возвращались домой с мешками за плечами, из которых по спине текла грязная вода, но этого никто не замечал, главное, накопали картошки. И так почти каждый день, пока не перекопали поля на несколько раз. Катя (сестра. — Публ.) ходила, а нас, маленьких, не пускали, очень опасно переходить по заторам. Бревна скользкие, крутятся под ногами, ноги соскальзывали, но, слава Богу, обходилось без жертв. А по берегу шли сплавщики леса, баграми расталкивали заторы и шли дальше. Иногда им приходилось несколько дней жить в деревне, пока все бревна растолкают, сильные были нагромождения. Тогда эти парни шли к нашим девчонкам на вечерку. Танцевали без музыки, под язык. А когда мой брат Николай пришел с армии, то принес губную гармошку, тут уж было весело.

Ну, это все было потом, после войны. А пока мы все, малолетки деревни, помогали взрослым преодолеть голод. Мы в своей деревне на колхозном картофельном поле, как только появятся проталины, копаем лопатами землю, добывая мерзлую, гнилую картошку. Земля оттаивает постепенно, где тонкий слой снега, значит, мы ее перекапываем на несколько раз. Вода от таяния снега стекает в ложбины, там мы ходим по колено в воде с лопатами, и мерзлая картошка пузырями всплывает на поверхность. К Пасхе мы стараемся сделать запас. Мама напекет лепешек из картошки, они такие серые, но, кажется, ничего вкуснее не было. Один-два-три таза лепешек, и у нас праздник, двойной праздник: что Пасха, и праздник, что три дня мы свободны от поисков пищи. Ну а потом подрастает крапива возле изгороди сплошь, рвем ее прямо голыми руками — приспособились. В огороде лебеда, а на колхозных полях кислица, то есть щавель. Ели и конский щавель, а из семян щавеля пекли лепешки, лепешки пекли из листьев липы, осины (очень горькие), из мякины. И не дай Бог никому их когда-либо попробовать. Еще собирали отростки полевого хвоща, только что вылезшие из земли, их называли гигели. В поисках этой пищи приходилось ходить далеко на колхозные поля. Лето, жара, овод. У меня бывало носовое кровотечение три-четыре раза в день. Как наклонюсь, так и капает, а как собирать, не наклоняясь? Чтобы не отставать от детей, брала с собой какие-нибудь тряпочки, ими тампонировала нос — и дальше в путь. Ну а потом грибы, ягоды. Мы их собирали не только для себя, но и

*Семья Аболиных (слева направо): Николай, Татьяна
(автор воспоминаний) и Екатерина с матерью
Анной Никифоровной. Деревня Кумлы, 1947 г.*

сушкили и сдавали заготовителю, за копейки, но это опять же уже после войны.

Надо было собирать себя в школу. Книги не покупали, их не было, а если бы и были, то купить не на что. Давала школа одну книгу на пятерых учеников, один сделал уроки, несет книгу другому и так далее. Еще играя в школу, мы писали на бересте, расслаивали ее аккуратно, как книгу, потом писали на газетах, учитель давал. Чернила делали из сажи, а она жирная, водой не разводится, разводили горячим молоком. Но при любом прикосновении к написанному листу она стиралась, так что все руки у нас были в саже всегда, да и не только руки, и лицо. А мыла не было. Из настоящей золы делали щёлок, им и отмывались, и голову мыли. Потом появились химические карандаши и из них стали делать чернила, чернильницы появились — стеклянные неразливашки. Однажды мальчик нес чернильницу на ладони, сильно переполненную, я нечаянно толкнула его, и часть чернил вылилась на руку ему, так он эту руку вытер об мое лицо. Были слезы, я убежала домой, а дома отмыть нечем, так я дня три ходила с синим лицом, пока постепенно не отмылось. Школа стояла рядом с нашим домом, метрах в 40-50. В первом и втором классе я в школу бегала босиком

летом и зимой. Прибежиши в школу, сядешь на скамейку за парту, ноги под себя — и согреваешь. И не только я, много ребятишек бегало босиком по снегу. А однажды проезжал уполномоченный через нашу деревню, увидел следы босых ног на снегу, очень удивился.

Кажется, наша деревня была самая бедная. Но жители были дружные, будто все родня. Делились последним, или у кого случится беда, все бегут на помощь. И все бескорыстно, бесплатно. Валенки ли подшить кому, лапти ли сплести. За луком зеленым летом вся деревня приходила к нам, грибы пожарить или мурзовку сделать, а как без лука? Мама всегда садила много лука, гряды три-четыре большие. И просто крошили лук, солили и ели. Хорошо, если пару ложек молока выкроишь. А то ведь все сдавали государству. План масла на одну корову три килограмма. Корова наша мало молока давала, да и жирность низкая — 20–25 процентов. Поэтому еще больше приходилось сдавать, самим молока не доставалось. Я часто болела ангиной, так мне иногда на железной печке вскипятят кружечку молока. Летом, как вечерняя дойка пройдет по домам, мы, дети, несем сдавать молоко за три километра в сливкоотделение. Там замеряли молокомером, измеряли лактометром жирность, записывали в журнал. А кто не смог полностью сдать молоком, покупали масло, но все равно сдавать надо. Только вот на что покупать, денег-то не было. А не сдашь, недоимку запишут, пени начислят, еще больше потом сдавать. Мама ночами пряла при луне людям в другую деревню, платили кто картошкой, кто свеклой, морковью, то есть благодарили, или одежду какую, обноски, дадут.

Однажды мы с мамой на колхозном поле собирали щавель, вдруг слышим голос Кати, она зовет нас, как она могла угадать, на каком поле мы находимся, не знаю. Несчастье, Ваню укусил змея. Бежим домой, не чуя ног. Ваня уже без сознания, и его сильно рвет. А как только укусила змея, Ваня бежал домой, и ему повстречался сельский учитель, он перетянул ногу ремнем, но ядто остался, надо было его отсосать или хотя бы выдавить сколько можно. Ремень пришлось снять, долго его держать нельзя, наступит некроз. В этот день у Вани, видно, было предчувствие, он не хотел идти на рыбалку, но мама его отправила со слезами, есть нечего. Он кормил нас, а иногда мама меняла рыбу на картошку, носила в Красный Яр, там люди жили лучше нас. Ваня, который всегда бежал на рыбалку с охотой, рано сам вставал, а тут вот никак не хотел. Итак, мама просит в колхозе лошадь и везет Ваню к бабушке-знахарке в другую деревню. Бабушка зашептала и сказала маме больше не привозить, что она будет пускать молитву по ветру. На Ваню смотреть было страшно, был так

*Татьяна Ивановна Аболина.
Село Васисс (Омская обл.).
1961 г.*

не отпускала живой. Хотя не могла убить ни мышонка и даже таракана. И когда мы с деревенскими детьми ходили в поле в поисках пропитания, увидев змею, они всегда звали меня и я расправлялась с ней. Такова была моя жестокая месть за брата. В то время я не могла понять, что это жестоко и неправильно. Ваня застудил ноги, так как бродил босиком в ледяной воде на рыбалке, у него заболели уши, гнойный отит. Время от времени затихал и снова возобновлялся. Мы с Ваней ходили рыбачить щук силками. Щуки стоят в старице, в осоке у берега, греются на солнце, надо осторожно, тихо подойти и одеть ей на голову петлю, сделанную из конского хвоста и привязанную к черенку, и быстро вздернуть. Из десяти попыток может одна увенчаться успехом, очень уж щуки хитры и энергичны. А однажды Ваня поймал щуку на казлатку (это два больших крючка, связанные тонкой проволокой, в виде якоря), наживка — рыба чабак, плотва. Казлатка крепится к палке тоже проволокой, так как леску щука перекусывает, палка втыкается очень крепко в землю. На второй день проверяется. Ване было 12 лет, щука, если ее поднять за голову, то в его рост. Долго он ее не мог вытащить, пока щука не выбилась из сил. И как ему удалось ее принести домой, такую большую, мокрую, скользкую? Нес, перекинув через плечо. Когда ее положили дома в деревянное корыто, то она не

отекши весь, как бревно, и все время рвало желчью. И так три дня. Потом пришел в себя, начал помаленьку пить и есть, долго не поднимался с постели, а потом стал прыгать на одной ноге с палочкой. И когда уже к осени совсем поправился, я замечала, что он прихрамывал на укушенную ногу.

Мы с Ваней были большие друзья. Иногда он брал меня с собой на рыбалку, а иногда я соглашалась вскопать его и свою норму земли в огороде, а его отпускала на рыбалку. Огород большой, копали всегда лопатой. И вот с тех пор как Ваню укусила змея, я возненавидела весь змеиный род. Хотя я их боялась, но, встретив в лесу или в поле змею, никогда

вмешалась, голова и хвост были на полу. Нам она, конечно, не досталась, мама срочно понесла ее променять на картошку в Красный Яр. Так Ваня нас кормил в голодные годы. А однажды мы с Ваней пошли в деревню Малые Тунзы просить милостыню, не понимая, что и там живут не лучше нас. Зайдешь в дом и стоишь молча у порога, Ваня шел в один дом, я в другой. В редких домах давали что-нибудь, картофелину. Больше мы не пошли. <...>

Около азгороды (изгородь из жердей) росла крапива в большом количестве, из которой мы варили суп. Это вода, нарезанная крапива, соль и все. Иногда горсточка муки, затирка называли. Так варили все супы с травами. Кислицей, лебедой, еще в лесу траву рвали — медунок, она рано вырастала из-под снега. А крапиву прошлогоднюю, сухую курили, она, как солома, с отверстием внутри. Когда ее покуришь, есть меньше хочется. А однажды я закурила табак, когда ходила к реке за водой, — закружилась голова, затошнило. Больше не стала. А эти травяные супы сколько ни ешь, все равно есть хочется, только живот большой, до одышки. Мама часто говорила: «Ти еу?» — «Еу». — «Ти хошь есть?» — «Хочу». Постоянно хотелось есть. Собирая траву, я постоянно в траве видела булку хлеба. Кажется, вот сейчас раздвину траву, а там булка хлеба, четко вижу. Зрительная галлюцинация. А ложась спать, я набирала горсть крупной соли и сосала ее, так и засыпала. Взрослые не видели и не знали об этом, я это делала тайком от них. Голодный желудок требовал еды. А позже организм, видимо, так насытился солью, что когда в супе попадет крупная соль, комочек, я выбегала из-за стола, меня рвало. Соль была очень крупная, потому мы ее толкли в ступе.

За солью ходили к татарам в Знаменский район. Весной мы с Катей пошли. Санки, мешок. Обуты были в лапти. Снег уже подтаивал, а за ночь замерзал иголками острыми. Шли километров 20-25. Лапти наши порезались иголками снега (наста), растрепались. На обратном пути солнышко пригрело, снег был мокрый, мягкий, ноги проваливались, а под снегом уже вода. Это, говорили, дорога впрособ. От лаптей остались портянки и веревочки (оборы, или оборки). Вот мы этими оборками приматывали портянки к ноге и шли дальше. Но этого хватало недолго, портянки снова разматывались, процедура повторялась. Портянки мокрые, они только защищали ногу от прямого соприкосновения со снегом. Ногам холодно, мокрые, красные. Соль привезли, хотя она тоже была мокрая от соприкосновения со

снегом, иногда мешок сползал и падал с санок. Мы довольны, соль привезли. И, как ни странно, на здоровье эта «прогулка» не повлияла, мы были уже закаленные. Соль мама высушила, она была большими кристаллами, как леденцы, и я ее сосала. В детстве у меня часто болел желудок. Голодные боли. Возникали они в школе или по пути домой, а дорога длинная, тогда я присаживалась, зажимала желудок руками, боль немного утихала, и я продолжала идти. А дома сразу ложку соли на стакан воды, выпивала и ложилась, подушку под желудок, вскоре боль утихала. Потом, пообедав, если было чем, садилась за уроки. Домашней работой меня не загружали. В основном работа была в летние каникулы. Мы, дети семи-восьми лет и старше, ходили на прополку колхозных полей, земля была скудная, не удобрялась, посевы задавливали травы-сорняки: осот, жаброй, страшно колючие, особенно для детских рук. Придя домой, не знала, куда девать руки и ноги от жгучей боли, а завтра снова работа, бесплатная, обязательная работа в колхозе. Учет велся по трудовым дням. Ставилась палочка в журнале против фамилии. Не вышел на работу — прочерк. Так и говорили: «Работаем за палочки». Все хорошее зерно сдавали государству, а на семена иногда колхозу приходилось закупать, так как ранние заморозки не давали зерну созреть. Колхозникам на трудодни оставались отходы — охвостья. <...>

Потом, во время войны, мама перевезла нас в другую деревню. Почему-то она называлась Поляцкая Заимка. Как после мама сама говорила, думала, что там калачи на березах растут. Тот же голод. Зимой опять ели кочерыжки из-под снега. Ловили воробьев на току. Где-то мама достала конину. И даже какие-то шкуры опаливали и ели. Здесь летом и я уже ходила на работу в колхоз, на прополку хлеба. Все поля зарастали сорняком, жаброй называется, колючий такой, вечером руки горят, как в огне. А утром снова надо идти. Избавиться от этих сорняков не могли, как я поняла уже позже, потому что зерно не могли очистить от этих семян и засевали их вместе с пшеницей и рожью. И все-таки как-то немного удавалось отделить семена сорняков вместе с отходами пшеницы, это через веялку, они отдувались, потому что были легче зерна. А эти отходы выдали колхозникам на трудодни, как зерно. Жернова у нас были свои, ручные, вся деревня ходила к нам молоть. И вот все настрипали лепешек из этой муки. И надо признаться, они были даже вкусные по тем временам, даже жир из них выступил от семян жабрея от жара в

печи, то есть масло. И вот наутро вся деревня обезножела. Некоторые понемногу ходили, но ноги в любой момент подкашивались и человек падал, а другие не могли встать. Все поняли, что это от лепешек. Но прошло какое-то время и все выздоровели. Недолго мы жили на этой заимке. Снова, зимой, поехали на лошади домой <...>

Об авторе: **Татьяна Ивановна Парникова**, в девичестве Аболина, родилась в 1934 году в д. Искаченск Знаменского района Омской области. Татьяна была последним ребенком в многодетной переселенческой семье. Родители ее приехали в Сибирь в начале XX века по столыпинской реформе. Отец был латышом, мечтавшим получить надел земли и жить самостоятельно, мать — белорусской из бедной крестьянской семьи. Свой хутор они смогли построить только к концу 1930-х годов, однако пожить единолично не удалось. Вскоре отец был репрессирован, семья перед Великой Отечественной войной вынуждена была переехать в соседнюю деревню Кумлы и вступить в колхоз. В этой деревне и прошли голодные военные и послевоенные годы, которым посвящены публикуемые отрывки из воспоминаний. В 1953 году, после окончания 7 классов, Татьяна Ивановна поступила в Тарское медицинское училище. Получив через два года профессию медсестры, всю свою дальнейшую трудовую деятельность она посвятила медицине. Сначала работала в Омской области, а с 1961 года в Иркутской, в пос. Култук Слюдянского района. Здесь она вышла замуж, родила двоих детей. С 1989 года находится на заслуженном отдыхе, с увлечением занимается выращиванием урожая в огороде и в саду, помогает воспитывать внуков.

Публикация Л.А. Аболиной и Ю.П. Лыхина

ИРКУТСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Лилия Викторовна Мясникова,
специалист по связям
с общественностью,
отдел развития и работы со СМИ
Иркутского областного
краеведческого музея,
г. Иркутск

Старейшая сокровищница Сибири — Иркутский областной краеведческий музей — будет праздновать в 2012 году свой юбилей, ему исполнится 230 лет. С момента основания в 1782 году и до сегодняшнего дня он является важным учреждением культуры, одним из центров общественной и научной жизни не только города Иркутска и Иркутской области, но и Восточной Сибири.

В образовании и жизни музея принимали участие многие иркутские деятели. Музей был основан по инициативе иркутского губернатора Франца Клички, призвавшего горожан пожертвовать средства на его строительство. Иркутские купцы Сибиряковы, Бутины, Баснины, Трапезниковы, Медведниковые, Дудоровские откликнулись на призыв, пожертвовав деньги музею. Значительную сумму пожертвовал сам губернатор. Организаторами и главными учредителями музея стали корреспондент Академии наук натуралист Александр Карамышев и почетный член Академии наук Эрик Лаксман. В конце XVIII — начале XIX века купцы дарят музею палеонтологические, геологические, этнографические и зоологические экспонаты, привезенные ими из Русской Америки. К концу XVIII века музей становится обладателем универсальной коллекции экспонатов, а к 1825 году собрание музея состоит из шести «кабинетов» — минералогического, физического, нумизматического, энтомологического, раковинного и кабинета редкостей. Музейные коллекции включали в себя исторические и естественнонаучные предметы.

Иркутский музей становится центром изучения Сибири и прилежащих территорий, научным хранилищем и просветительским учреждением в связи с открытием в городе в 1851 году Сибирско-

го отдела Императорского Русского географического общества, в ведение которого в 1854 году был передан музей. В 60-е годы XIX века в музейной деятельности активно участвовали польские политические ссыльные: Б. Дыбовский, В. Годлевский, исследователи байкальской фауны; И. Черский и А. Чекановский, исследовавшие геологическую структуру Сибири; Н. Витковский, изучавший археологические памятники Приангарья. В то же время А. Щапов изучал этнографию коренного населения Сибири, Д. Клеменц и Г. Потанин организовали сбор этнографических коллекций. Планомерное изучение Азиатского континента экспедициями Р. Маака, Д. Клеменца, Г. Потанина, Н. Ядринцева, И. Лопатина, П. Кропоткина способствовало комплектованию в музее многочисленных коллекций.

В Иркутске в 1879 году произошел пожар, в котором погибла большая часть города. Музей также пострадал, сгорело его здание, погибли 22 тысячи уникальных экспонатов, богатейшая библиотека, насчитывавшая более 10 тысяч книг. Иркутяне собственными силами восстанавливали утраченное: от частных лиц и организаций поступали коллекции, книги, денежные пожертвования. Некоторые подаренные музею книги сохранили на себе следы огня. Значительную помощь оказали научные организации

Иркутский музей. Фото Н. Чарушина, 1890-е гг.

Музей ВСОИРГО в Иркутске, отдел зоологии. Конец XIX в.

России: Академия наук, Вольное экономическое общество, Главная физическая обсерватория и другие. Уже в 1883 году состоялось торжественное открытие нового каменного здания музея, построенного на пожертвования горожан.

Коллекции Иркутского музея неоднократно представлялись на выставках в России и за рубежом: в 1868 году музей представил свои коллекции на сельскохозяйственной выставке в Иркутске, в 1877 году — на археологической выставке в Казани, в 1879 году — на антропологической выставке в Москве, а на Нижегородской всероссийской выставке 1896 года музею была присуждена высшая награда — диплом 1-й степени. В 1898 году экспонаты Иркутского музея были представлены на Всемирной выставке в Париже, где произвели неизгладимое впечатление на посетителей.

В 1920 году музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества был национализирован. Этот период истории музея связан с именами выдающихся ученых-исследователей Б. Петри, Н. Козьмина, Г. Виноградова, их учеников М. Герасимова, А. Окладникова, Ф. Кудрявцева, заложивших основу фундаментального изучения новых направлений в истории, создавших свои научные школы. Позднее, в 50-е годы XX века, сотрудники музея принимали активное участие в развитии восточных районов страны; фонды пополнялись мате-

риалами о строительстве Иркутской ГЭС, о развитии новых промышленных зон — в Шелехове, Братске, Усть-Илимске, о строительстве БАМа. В 70–80-е годы XX века активно велось строительство новых музеев — музеев декабристов С. Трубецкого и С. Волконского, архитектурно-этнографического филиала на 47-м километре Байкальского тракта, были открыты филиалы музея в городах Иркутской области Бодайбо, Тулуне, Усть-Куте, Усолье-Сибирском, Ангарске и другие. Позднее, в 90-е годы, музей выделил филиалы в самостоятельные музеи, продолжая оставаться для них методическим центром.

На сегодняшний день Иркутский областной краеведческий музей включает в себя отдел истории, отдел природы, выставочный отдел, отдел фондов, отдел развития и работы со СМИ, отдел книжного фонда, методико-информационный отдел и насчитывающий более 400 тысяч предметов в своих фондах. Основной задачей сотрудников и по сей день является формирование, сохранение, изучение и популяризация музейных коллекций, представляющих научную, историческую и художественную ценность. Та же музей проводит экскурсии — «По историческим и памятным местам г. Иркутска», «Байкал — жемчужина Сибири», «Православные храмы Иркутска», «Адмирал Колчак в Иркутске», «Иркутские страницы А.В. Вампилова», «Прогулки по Тихвинской площади» и другие. Были разработаны и реализовываются музейные мероприятия,

Здание Иркутского областного краеведческого музея. 2011 г.

Сотрудники Иркутского краеведческого музея на презентации музеиного комплекса «Окно в Азию». Фото В. Гуляева, 2011 г.

выездные и на базе экспозиции музея: «Каша из топора», «Морской бой», «Чайный путь», «Жили-были мамонты», «День медведя», «Живые уроки», «Народно-православный месяцеслов», «Истории о гербе, флаге и гимне», «Иркутск глазами А.П. Чехова», «Иркутск на старых фотографиях» и многие другие лекции, мастер-классы, интерактивные мероприятия для различных возрастных аудиторий.

Одним из главных проектов музея стал музейный комплекс «Окно в Азию», который будет размещен на территории квартала исторической застройки города Иркутска (130-й квартал). Музейный комплекс показывает вклад Иркутска, исследователей Сибири и Дальнего Востока (ученых, научных и общественных организаций, в том числе Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, иркутских генерал-губернаторов), в освоение, изучение и присоединение к России северо-восточной части Азиатского континента. В этом комплексе будут наглядно демонстрироваться исторические сюжеты, связанные с освоением и присоединением Сибири к России. Проект воссоздает исторический образ города, роль и значение административной власти края в политике, экономике, культуре, науке, дипломатии и военном деле России, показывает роль и значение исследовательских организаций Иркутска в освоении и изучении Азиатского континента, формирует позитивный образ местной власти на примере конкретных личностей, показывает историческую преем-

ственность и необходимость института генерал-губернаторства в современной России, роль централитета Иркутска на протяжении XVIII – начала XX века. Кроме того, музейный комплекс планируется использовать и как место для приема почетных гостей губернатора, а также как площадку для проведения презентаций проектов развития области в историческом контексте.

Музейный комплекс «Окно в Азию» совмещает в себе традиционные элементы музеиного показа с современными — оборудование музея, компьютеры, плазменные панели, то есть современные информационно-коммуникационные технологии. Будут разработаны различные мероприятия, игровые и образовательные программы для посетителей. В ходе реализации данного проекта в 2011 году была проведена презентация музеиного комплекса в рамках празднования 350-летия Иркутска.

За прошедшие годы Иркутский областной краеведческий музей значительно расширил свои связи с муниципалитетами области —

были проведены выставки в Урике, Усть-Орде, Заларинском районе, Саянске, Усолье-Сибирском, Куйтуне, Зиминском районе, Тулуне и других местах. Посещаемость музея в 2011 году составила 213 500 человек, было проведено 73 выставки и 847 мероприятий. Наиболее значимыми проектами 2011 года стали: проект «Музейный экспресс», презентация музеиного комплекса «Окно в Азию», фестиваль музеев Иркутской области «Маёвка-2011», издание альбома «Иркутск допожарный», мероприятие «Ночь в музее», проведение мероприятий к 160-летию ВСОРГО (выставки, реэкспозиции, акции), реализация ведомственной целевой программы «Модерниза-

*В экспозиции отдела истории ИОКМ.
2011 г.*

ция государственных музеев Иркутской области 2011–2012 гг.». Выигран грант конкурса «Первая публикация» (г. Москва), проведен семинар по повышению квалификации музейных работников «Новые технологии в экспозиционно-выставочной работе». Написано 39 научных статей, 4 тематические экскурсии, 50 сценариев и сценарных планов. Фонды музея пополнились 2 468 предметами.

Музей идет в ногу с прогрессом, оснащая экспозиционные отделы современными технологиями. В 2011 году установлено пять интерактивных систем — «Интерактивный пол» в отделе природы, «Волшебное зеркало» и «Интерактивная витрина» в отделе истории, «Интерактивная стена» в музейной студии, уличный интерактивный экран в отделе истории. Работа Иркутского областного краеведческого музея активно освещается СМИ: на радио, телевидении, в печатных и электронных СМИ.

В 2012 году приоритетными для музея станут мероприятия, посвященные 230-летнему юбилею Иркутского областного краеведческого музея, 75-летию создания Иркутской области, 67-летию Великой Победы, 75-летию В.Г. Распутина и А.В. Вампилова, 1150-летию зарождения российской государственности, 200-летию войны 1812 года, 175-летию со дня гибели А.С. Пушкина, а также создание экспозиции музейного комплекса «Окно в Азию».

*Фрагмент экспозиции
отдела истории. 2011 г.*

Наши координаты:

Почтовый адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 13.

Тел./факс (3952) 33–59–16.

E-mail: postmaster@museum.irkutsk.ru.

Сайт музея: <http://www.museum.irkutsk.ru>

ПАМЯТНИКИ СЕЛА БЕЛЬСК В АЭМ «ТАЛЬЦЫ»

Марина Леонидовна Ометова,
главный хранитель фондов
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск

В ангаро-илимской историко-культурной зоне Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» представлены две усадьбы, вывезенные из села Бельск Черемховского района Иркутской области: усадьба «сотая» и дом волостного правления с амбаром.

Усадьба «сотая» была перевезена в музей архитектором Г.Г. Оранской в 1973 году. Дом датируется концом XVIII – началом XIX века. К моменту вывоза в музей усадьба была нежилой и фамилия владельцев забылась. Потому, как в Бельске, усадьба числилась под номером 100. В музее со временем за ней закрепилось название «сотая» (отсюда и возникающая часто путаница в названии — «сотая», усадьба «Сотая», усадьба «Сотого» — по аналогии с названиями прочих музейных усадеб, которые давались по именам последних владельцев, например усадьбы Непомилуева, Прокольева, Серышева, Александрова и т. п.). Реставрация была завершена в 1995 году. Автор проекта реставрации — московский архитектор А.В. Субботин.

Усадьба состоит из дома-связи, разделяющего чистый и хозяйственный дворы. Чистый двор мощен досками, в нем находятся одноярусный двухкамерный амбар, примыкающий к нему амбар-кобрик (ледник) и навес для хранения различного инвентаря. Хозяйственный двор формируют стайка с поветью и завозня-навес для хранения сельскохозяйственного инвентаря и средств передвижения.

В 1994 году в доме разместилось административное помещение, а в 2004–2007 годах в нем воссоздан интерьер богатого дома, где представлены городская мебель XIX века, посуда, картины и другие предметы быта. Помещение используется для проведения круглых столов во время выездных конференций и для приема

делегаций. Усадьба оживляется ремесленниками-берестяниками Мильтовыми, в теплый период года они работают под навесом на чистом дворе, демонстрируя свое мастерство посетителям.

Усадьба волостного правления вывезена в музей в 2002 году, датируется началом XX века. Автор проекта реставрации — архитектор А.П. Бельский.

До 1916 года в здании располагался пересыльный пункт с каталиджкой, когда Бельск стал волостным селом, здесь расположилось волостноеправление.

Амбар принадлежал министерскому училищу (училище и амбар строили солдаты в 1904 г.).

Комплекс построек, составлявших усадьбу волостного правления, традиционен, он сложился к концу XIX века, соответствуя потребностям и структуре руководящего органа крестьянской общины. Он включал в себя здание волостного правления, в котором обязательным было наличие не менее трех комнат: «присутствия», где проходили заседания волостных начальников, «соборной» — комнаты для посетителей, и «каталиджки»; двухъярусный амбар для хранения казенного имущества; завозно для средств передвижения; пожарный сарай, в котором хранился пожарный инвентарь (багры, водовозные бочки, шланги, водяные помпы и т. п.); конюшню; помещение тюрьмы, которая использо-

Усадьба «сотая» в музее «Тальцы».

Фото В. Тихонова, 2011 г.

*Волостное правление в музее «Тальцы».
Фото В. Тихонова, 2011 г.*

валась в летнее время, а зимой заключенных содержали в ката-
лажке; коновязь.

Волостноеправление — исполнительный орган крестьянского сословного самоуправления — было учреждено «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 года. Оно состояло из волостного старшины, сельских старост и волостного писаря. Ведению волостных правлений подлежали взимание податей и недоимок, распределение исполнения повинностей, расходование денежных сумм, продажа крестьянского имущества. Волостныеправления должны были выдавать патенты на продажу табака, участвовали в торгах по продаже казенного леса. При волостныхправлениях предусматривалось устройство помещения для содержания арестованных, которое называли «холодная», «каталажка» или «чижовка».

Несмотря на то что Бельск находится далеко в стороне от Ангаро-Илимского края, это старинное село имеет много общего с историей сел края.

Село было основано казаками, которые в XVII векеозвели здесь острог (сейчас от него осталась одна сторожевая башня — единственная в стране башня, оставшаяся на своем исконном месте). Первоначально село застраивалось по улицам, затем

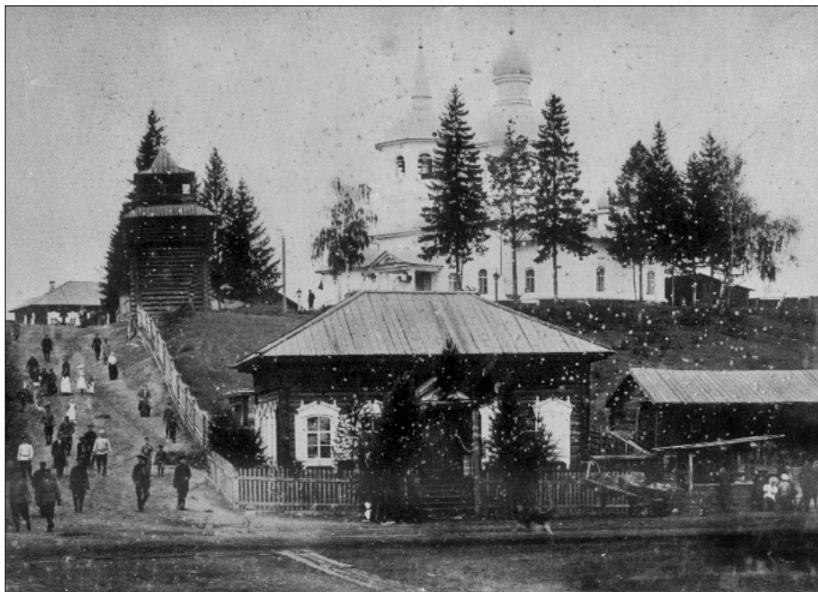
разрасталось кварталами и разбросанно. Главными улицами, на которых ставили свои дома первые поселенцы еще в XVII веке, были Большая (ныне Иванова) и Нижняя Набережная, композицию села дополняли всевозможные проулки и проезды, пересекающие эти две улицы.

Формировали село также находящиеся в стороне от центра села залоги — Залог (ныне ул. Партизанская) (название дано либо по начальному основанию здесь поселения — «заложено», либо по характеру местности, находящейся в низине — «за логом»), Звездочка (ныне ул. Звездная) (название, вероятно, связано с расположением местности — высокое место, видное отовсюду), Кузнечная, или Мельничная (ныне западная окраина ул. Иванова). Кроме того, существовало более 20 различных залогов вокруг села (из них сохранилось шесть).

С 1916 года Бельск стал волостным центром. Основным занятием населения, как и во всем Ангаро-Илимском крае, было сельское хозяйство. Полеводство носило товарный характер, зерно вывозили на продажу в деревню Половинку, расположенную по железной дороге. Для собственного потребления зерно обмолачивали на мельницах. На расстоянии четырех километров от села

Общий вид села Бельск. Фото Г.И. Рубановского, 1906 г.

Бельск, центр села. Фото Г.И. Рубановского, 1906 г.

в сторону деревни Поморцево на ручье стояла колесная деревянная мельница, владельцем которой на рубеже XIX–XX веков был Глеб Голубев, по его фамилии местность получила название Голубиха.

Развито было животноводство (в хозяйстве зажиточных крестьян имелось по пять–шесть лошадей).

Как и ангаро-илимские, бельские крестьяне занимались рыболовством: ловили леща, тайменя и другую рыбу, которая, по рассказам старожилов, просто «кишила» в реке, ловили «на саломов», то есть на крючок насаживали рыбу помельче. Рыбу коптили, устраивая коптильни в земле (в некоторых местах до настоящего времени сохранились действующие коптильни). По словам старожилов, река была значительно глубже, застывала только в середине февраля, а в марте уже проходила.

Население активно занималось пушным промыслом: после окончания полевых работ охотники уходили в лес на пять–шесть месяцев, беря с собой большие запасы продовольствия, жили в специально устроенных охотничьих избушках. Охотились на сойлю, белку, лису, сов с помощью ружей-берданок и дробовиков. В настоящее время многие избушки сохранились, местные жите-

ли выезжают в них на два-три дня для охоты, а чаще всего просто с целью отдыха.

О степени развития пчеловодства достаточных сведений нет, но из рассказов краеведов известно, что, например, Кузьма Афанасьевич Чичинев в конце XIX века держал большую пасеку. В деревне Поморцево в довоенные годы пасеку держал выходец из Украины Мелентьев (сейчас ему около 80 лет).

В качестве подсобного промысла занимались сплавом леса в Тайтурку (30 км от железной дороги) и содержали в небольшом количестве постоянные дворы.

Были в селе потомственные кузнецы — Никитины, большие мастера своего дела, ковали даже плуги. Руками кузнецов выполнялись заказы сельчан на фигурные жиковины, ручки для дверей, ворот, калиток, решетки в амбары. Большая, на семь горнов, кузница стояла на лугу у реки. Ее унесло в сильное наводнение 1952 года.

Бельские жители занимались и специализированными промыслами. Например, у зажиточного крестьянина Григория Зубкова во дворе была маслобойня, где он выжимал конопляное масло. В селе работали иконописцы «богомазы», писавшие иконы для местной церкви. На островах напротив села был устроен

Село Бельск. Фото Г.И. Рубановского, 1906 г.

пивоваренный завод, для которого известные в Бельске столяры Вельчинские изготавливали ящики для бутылочного пива. Там же, на островах, был построен и кожевенный завод, вольнонаемным управляющим которого на рубеже веков был Александр Корнилович Таксер. В Бельске сохранились его дом с магазином, кирпичный амбар конца XIX – начала XX века. Сохранилось также общежитие для мастеров-кожевенников.

В самом селе находился кирпичный завод. Глину для кирпичей брали у ручья на въезде в село. Местные старожилы и краеведы упоминают кирпичников Камаевых, работавших в селе на рубеже XIX–XX веков. В 1904–1907 годах зажиточным крестьянином Кузнецовым (Кабаковым) в селе были построены кирпичный магазин и склады.

В центре села располагались церковь Сретения (1788 г.), действовавшая до 1930-х годов (в настоящее время практически разрушена) и часовня (в настоящее время не существует). Перед церковью находилась торговая площадь, на которой устраивались ярмарки и базары. Продавали кожаные изделия, посуду, ходовым товаром была продукция Хайтинской фарфоровой фабри-

Бельск, Голубевская мельница.
Фото Г.И. Рубановского, 1906 г.

Башня Бельского острога. Фото Ю. Лыхина, 2008 г.

ки. Для удовлетворения повседневных потребностей населения в товарах местные зажиточные крестьяне и купцы держали лавки. Один из крупных бельских купцов, Иван Степанович Черных, при своем доме (ул. Иванова, 25) содержал магазин и кабак — «шинкарик», в котором продавали водку в туесах.

В селе находилась большая усадьба купца 1-й гильдии Петра Алексеевича Киселева (ул. Набережная, 33–35), его дед в своей усадьбе разбил сад, устроил озеро и запустил туда рыбу, построил беседки. После установления советской власти П.А. Киселев передал Советам свою усадьбу, а сам поселился во флигеле за садом.

Приказчик купца Иосиф Амосович Попов в передней части своего дома держал лавку. Купец Моисей Израилевич Мордоховский занимался продажей шкур, в начале XX века в своем доме торговал бакалейным и мануфактурным товаром. Зажиточный крестьянин (с 1897 г. — церковный староста) Григорий Харлампьевич Алферов занимался с родственниками торговлей в селе винно-водочными изделиями в «монополии».

Были в селе и амбулатория, и аптека, и двухклассное смешанное министерское училище.

В начале XX века село Бельское считалось дачным, сюда съезжались летом на отдых семьи промышленников, коммерсантов, почтовых и железнодорожных служащих из Иркутска, Крас-

ноярска и других городов. На берегу реки отмечались праздники, у жителей села были излюбленные места — Верхний и Нижний луг. И сейчас жители села широко отмечают Троицу на Верхнем лугу, у слияния рек Большая и Малая Белая.

Архитектурные памятники, такие как сторожевая башня Бельского острога (1691 г.), Сретенская церковь (1788 г.), старинные крестьянские и купеческие усадьбы, лавки, магазины сохраняют неповторимый облик старинного села, имеющего более чем трехсотлетнюю историю, а перевезенные в музей «Тальцы» бельские памятники архитектуры органично влились в новую среду. Дом на связи, такой как дом «сотый», — из наиболее ранних типов построек в Приангарье. Нельзя сказать, что авторы экспозиции, перевозя в музей заброшенный дом из Бельска с целью его сохранения, нарушили историческую достоверность, так как подобные усадьбы были характерны для всего Ангаро-Илимского края. В отношении здания волостного правления ситуация сходная, кроме того, что оказалось немаловажным при выборе для музея именно этого памятника, в Ангаро-Илимском районе подобных построек к моменту строительства в музее экспозиции не сохранилось. Таким образом, авторы экспозиции, показав подлинный памятник, пусть другого района, органично внесли его в новую культурную среду.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архив АЭМ «Тальцы». Отчет о результатах поездки в с. Бельск Черемховского района Иркутской области 2 апреля 2002 г.

Архив Центра по сохранению историко-культурного наследия. Проект зон охраны памятников и зон регулирования застройки заповедного села Бельск. Т. 3: Аннотированный каталог памятников. Иркутск, 1989.

Ковалевская Т. Вид с башни Бельского острога // Земля Иркутская. 1999. № 11. С. 72–76.

Кузнецова М.В. Экскурсоведение: история, методика, практика: учебное пособие. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 273 с.

В учебном пособии впервые на региональном материале представлена методика подготовки и проведения обзорных и тематических экскурсий, освещены вопросы истории и современного состояния экскурсионного дела в Иркутске, предложены выполненные студентами специальности «Социально-культурный сервис и туризм» факультета сервиса и рекламы Иркутского госуниверситета варианты обзорной и тематических экскурсий по г. Иркутску, включающие технологические карты и контрольные тексты экскурсий.

К своим истокам / отв. ред. Ю.П. Лыхин. Иркутск, 2009. 428 с.

Сборник статей, подготовленный членами Иркутской городской общественной организации «Родословие», посвящен вопросам генеалогии. Сборником подводится итог исследовательской деятельности общества за восемь лет существования. В книгу входят статьи, освещающие крестьянские, казачьи, купеческие, дворянские родословные жителей Восточной Сибири, статьи по методике генеалогической работы, а также аннотированный библиографический указатель литературы по родословию. Издание предназначено для историков, краеведов, учащихся и всех интересующихся вопросами генеалогии.

Нефедьева А.К., Тихонов В.В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. 320 с.

Книга посвящается жизни русской деревни трактовой зоны Иркутской губернии в XVII–XIX вв. Авторы, характеризуя заселение края, обратили внимание на беспрерывность миграционных процессов с северорусской и среднерусской полосы России, что привело к переплетению двух ветвей русской земледельческой культуры. Постепенно адаптируясь к новым климатическим и природным условиям, население создало новые земледельческие и строительные традиции.

Манассеин В.С. История с библиографией: сборник статей / публ., сост., предисл., статья, comment. — А.Н. Гаращенко, статья — Е.Ш. Соломон. Иркутск: ООО НПФ «Земля Иркутская», 2010. 300 с.

В книгу вошли опубликованные и ранее не публиковавшиеся статьи иркутского историка, библиографа, директора библиотек иркутских вузов Владимира Сергеевича Манассеина (1878–1938), посвященные истории г. Иркутска, истории книжного дела и библиографии Сибири. Книга дополнена биографическими статьями о В.С. Манассеине, раскрывающими его вклад в историческую науку и развитие библиотечного дела в Иркутске.

История, этнография, архитектура переселенческих сел периода столыпинской реформы: материалы научно-практической конференции 3 июля 2008 г., пос. Залари Иркутской области. Иркутск, 2011. 164 с.

В сборнике представлены материалы научно-практической конференции, проводившейся музеем «Тальцы» в пос. Залари Иркутской области в июле 2008 г. и посвященной столыпинскому переселению в Восточную Сибирь. Книга предназначена для историков, преподавателей и студентов вузов, а также для всех интересующихся историей Иркутской области и Восточной Сибири.

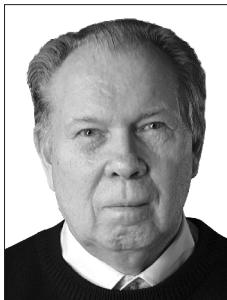
Гурулёв С.А. Первые иркутяне. Иркутск, 2011. 412 с.

Книга представляет собой именник, содержащий краткие сведения о жителях Иркутска и Иркутского уезда в период с основания острога в 1661-м по 1700 г., т. е. в течение 40 лет. Подобный именник дает возможность современным иркутянам определить своих предков, населявших острог, город и уезд в далекие годы второй половины XVII в. В книге представлены биографические сведения о почти двух тысячах персонажей.

Иркутск: Историко-краеведческий словарь. Иркутск: Сибирская книга (ИП Лаптев А.К.), 2011. 596 с.

Словарь представляет собой краеведческое издание, в котором собраны многочисленные сведения универсального характера по истории и культуре крупного современного города. Весь подбор материала к изданию преследовал единственную цель — как можно полнее и глубже показать культурное богатство Иркутска и его роль в сибирской жизни и общероссийском пространстве.

КНИГА О МОСКОВСКОМ ТРАКТЕ*

*Александр Всеволодович Дулов,
доктор исторических наук,
профессор Иркутского
государственного университета,
г. Иркутск*

Большой Сибирский (Московский) тракт имел огромное значение как для Сибири в целом, так и для Иркутской губернии в частности. С середины XVIII века он снабжал наш край товарами из Европейской России и Европы, соединял территории Сибири, служил основной транспортной артерией Иркутской губернии. Крупную роль он сыграл в конце XIX века как база строившейся Транссибирской магистрали, проходившей вдоль тракта. Притрактовые селения образовывали «трактовую зону», жители которой имели значительно большие возможности для развития хозяйства и культуры, чем обитатели медвежьих углов, жившие вдали от больших дорог.

А.К. Нефедьева и В.В. Тихонов вполне обоснованно избрали темой монографии эту исключительно важную для губернии полосу, отличавшуюся также значительной плотностью населения и более высоким уровнем развития товарно-денежных отношений.

Следует сразу же отметить, что монография А.К. Нефедьевой и В.В. Тихонова представляет собой крупное и тщательно выполненное исследование, дающее разностороннее представление о населении, его занятиях, быте и культуре в притрактовой полосе Иркутской губернии. По значимости оно приближается к двухтомнику В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня» (Иркутск, 1949, 1957) — самой крупной монографии по истории нашей области, и к книге В.В. Воробьевого «Формирование населения Восточной Сибири» (Новосибирск, 1975).

Книга ведущих специалистов Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» состоит из девяти глав. В первой главе дается

* Нефедьева А.К., Тихонов В.В. Московский тракт. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы», 2010. 320 с.

удачная характеристика природной среды историко-культурной зоны. Вторая глава содержит краткий очерк состояния бурятского населения в XVII – первой половине XVIII века. Главы 3–5 посвящены строительству и заселению тракта в XVII–XIX веках, следующая глава — роли ссыльных в освоении притрактовой полосы; глава 7 — промыслам, глава 8 — планировке и архитектуре сел и деревень, расположенных вдоль тракта; глава 9 — религиозно-этическим взглядам крестьян.

Ценным вкладом в изучение прошлого нашего края следует признать списки жителей притрактовой полосы конца XVII–XVIII века. Авторы указывают, что с 1671 по 1685 год в Иркутск было направлено пять партий крестьян-переселенцев. В результате к 1686 году по линии будущего тракта было образовано 14 новых населенных пунктов со 166 крестьянами (с. 70). Если предположить, что число женщин, которые в тогдашних переписях не учитывались и которых в Сибири было мало, составляло 50 % от числа крестьян, получим примерно 250 жителей новых деревень. Исследователи приводят списки глав семейств, извлеченные из фондов Российского государственного архива древних актов, на 1686, 1747 и 1762 годы. Списки первопоселенцев очень важны для нас. Благодаря им жители многих сел области могут узнать, кто основал село, когда оно возникло, проследить родословные многих современных семей. Так, мы узнаем, что село Урик основано в 1671 году пятью крестьянами, Смоленщина в том же году — тремя отставными солдатами, пришедшими из Смоленска; Максимовщина — в 1683 году «детьми боярскими» (низший дворянский чин) Максимом Перфильевым (Перфировым), выдающимся казачьим атаманом, и его сыном. Начало Усть-Куде положили Ивашка Укрысцев и Андрей Савельев. Очень интересны сведения переписи 1762 года, где названы главы всех семейств притрактовых сел. Семьи иногда очень крупные — до 60 человек, как бы небольшие общины. Ямская станция Кимильтей основана в 1743 году. В 1762 году там было 33 двора с 565 жителями. В 1743 году появилась станция Куйтун, где в 1762 году в 26 дворах обитало 373 человека. Одновременно с этими станциями возникла станция Шерагул — сюда переселились 24 семьи из Братска. В 1762 году число дворов там достигло 40 с 562 жителями.

Может показаться удивительным, что в 1762 году среди глав семейств было много стариков в возрасте 70–90 лет. Отметим «долгожителей-рекордсменов». В селе Кимильтей столетний Кирилло Бухаров имел семью в 29 человек; крестьянин села Зима Сидор Селезнев умер в возрасте 100 лет, а его односельчанин Иван Пыжиков — 108 лет. Жители села Куйтун, вероятно, могут гордиться своим предком Тимофеем Облизановым, переселившим

шимся туда в 1748 году. В 1762 году, в возрасте 112 лет, он жил с семьей из 20 человек (с. 112).

Для первоначального освоения русскими Иркутского воеводства важное значение имели отправленные правительством партии крестьян по 500 семей в 1688 и 1697 годах. Советские историки исходя из идеологических позиций обычно подчеркивали «роль народных масс» в освоении Сибири. Авторы монографии, опираясь на реальные факты, справедливо полагают, что «основная роль в формировании населения юго-западного Прибайкалья принадлежала государству» (с. 70). Так, по сведениям переписной книги 1686 года, 76 % русского населения, расселенного по линии будущего тракта, «прибыли по государеву указу» и лишь 24 % были «гулящими людьми». А.К. Нефедьева и В.В. Тихонов делают и еще одно важное уточнение. Историки традиционно указывали на большую роль жителей Поморья в заселении Восточной Сибири, в частности Иркутска. В монографии делается вывод о том, что северяне «утратили ведущую роль в освоении юго-западных земель Предбайкалья (вторая половина XVII в.), уступив ее крестьянам центра и юга России» (с. 73).

Авторы исследования дали ясную картину устройства тракта на территории Иркутской области. До середины XVIII века от Москвы до Иркутска путешествовали главным образом по рекам, а отдельные отрезки преодолевали по волокам или сухопутным дорогам. Такое путешествие требовало не менее шести месяцев и заставляло многоократно перегружать товары с судов на телеги и наоборот; был велик риск кораблекрушений; плыть часто приходилось по малонаселенным местам.

В 1726 году В.Н. Татищев, управлявший горными заводами Урала, предложил Сенату провести сухопутную дорогу в Сибирь. В 1743 году были предприняты реальные шаги к устройству тракта от Канска до Иркутска — началось строительство станов. На протяжении 359 верст от Иркутска до Тулунца было основано десять ямских станций: Китой, Тайтурка, Черемхово, Кутулик, Залари, Кимильтай, Зима, Куйтун, Шерагул, Тулун. Некоторые из них возникли на месте уже существовавших русских поселений. Строительство и первоначальное заселение тракта велось быстро и потребовало огромного напряжения сил крестьян. Уже с 1749 года все ехавшие из Иркутска на запад использовали только этот путь. В 1768 году данный участок тракта открывается для официального движения, а в 1772 году по нему проезжает замечательный исследователь П.С. Паллас и высоко оценивает качество обслуживания путников. Длина пути между станами была здесь близка к норме, составлявшей 30 верст.

Подводя итоги заселения тракта, авторы считают, что в 1911 году в трактовой зоне кроме крупных сел располагалось еще около 400 сел, деревень, заимок и за 160 лет после появления первых селений по тракту количество их увеличилось в 20 раз. На с. 151–174 приводится их полный список, что очень полезно для краеведов области.

Было бы желательно определить для разных периодов, какая часть населения губернии жила в полосе тракта. В монографии это, к сожалению, не сделано. Приблизительные подсчеты рецензента для конца XIX – начала XX века дают цифры 80–85 %. Для 1924 года удалось найти точные показатели: 77,6 %, а вместе с Иркутском — 91,2 %.

В книге вполне обоснованно серьезное внимание уделяется земледелию. Подробно рассказывается об изменении техники производства, расширении посевов, ассортименте злаков, орудиях труда, способах обработки почвы и т. д. Однако обобщения и выводы здесь не всегда удачны. Так, на с. 215, используя показатели лишь одного года (1913), авторы заявляют, что из сибирских губерний именно Иркутская «занимала первое место по урожайности зерновых». Однако В.Г. Тюкавкин, специально занимавшийся историей сельского хозяйства Сибири начала XX века, полагает, что «более высокие средние урожаи наблюдались в Томской и Енисейской губерниях» (1). Вывод А.К. Нефедьевой и В.В. Тихонова о том, что в Иркутской губернии «производство хлеба было поднято на высокий уровень» (с. 215), представляется несколько преувеличенным. В этой же главе, посвященной занятиям населения, довольно часто используется фактический материал, к Иркутской губернии не относящийся.

Было бы интересно сопоставить урожайность в трактовой полосе с урожайностью в других уездах губернии. В монографии это не сделано. Для наглядности можно привести результаты, полученные М.В. Филипповой (2). По ее сведениям, в 1881–1885 годах урожай озимой ржи в Иркутском и Балаганском уездах составлял сам-7–7,9; в Нижнеудинском и Верхоленском — сам-4, в Киренском — еще ниже. Яровая рожь в Иркутском уезде давала около 5, в Верхоленском — 1–2,3. Пшеница в Иркутском и Балаганском уездах имела результаты от 3,5 до 5, в остальных округах — свыше 3. Таким образом, урожаи вдоль тракта были выше, чем на остальной территории губернии.

В книге дается также подробная характеристика таких важных для данной зоны промыслов, как извоз, дворничество (содержание постоянных дворов), торговля, санно-тележный промысел, а также животноводство.

Очень информативна глава 8, характеризующая особенности планировки и архитектуры притрактовых сел. Она в значительной степени основана на материалах, добытых во время экспедиций 1990–2005 годов. Используя сведения и других исследователей, авторы книги показали различные виды планировочных схем населенных пунктов этой полосы, зависевших от расположения дорог, рек, рельефа, размеров деревни или заемки, а также от традиций их основателей — северян или жителей средней полосы.

В тексте работы даются схемы планировки населенных пунктов и крестьянских дворов, свидетельствующие об их разнообразии и хозяйственной целесообразности, при которой тщательно учитывались и особенности природной среды, и особенности труда жителей, и материальный достаток, и величина семей. Отметим попутно, что монографию обогащают многочисленные фотографии, чаще всего цветные, дающие, с одной стороны, конкретное представление о жизни крестьян, а с другой — создающие красочный эмоциональный фон серьезного научного труда. Детально рассмотрев архитектуру сел юго-запада губернии, авторы делают обобщение, с которым трудно спорить:

«Итак, трактовое село конца XIX в., тянувшееся одной улицей на несколько километров, не выглядело скучным. Несмотря на устойчивость основных типов крестьянских жилых построек, разнообразие архитектурных элементов: оконных проемов с различными наличниками, разного вида крылечек и ворот, украшенных резьбой карнизов и фризов домов — вносило в однотипные крестьянские избы резко отличные, индивидуальные черты, придавая каждому дому свойственное только ему своеобразие. Село украшали также не типичные для крестьянской архитектуры купеческие дома, общественные постройки: школы, больницы, этапные тюрьмы, выглядевшие своеобразными неприступными крепостями. Живописно разбросанные вокруг села изгороди вместе с окружавшей природой придавали ему неповторимое очарование, что не раз было отмечено путниками, проезжавшими по тракту» (с. 294–295).

К глубокому сожалению, глава 9 «Религиозно-этические взгляды крестьян на землю и труд» оказалась в книге последней не только по расположению, но и по качеству. Странно, что основана она не на местных источниках дореволюционного периода, а на древних русских былинках, эмоциональных высказываниях писателей, записях местных информаторов нашего времени. Используя их, авторы создали идеализированный образ сибирского крестьянина XVIII – начала XX века. «Вера

и труд занимали центральное место в системе ценностей русского крестьянина — христианина по вере и христианина по образу жизни», — заявляют авторы словами цитаты, взятой ими в качестве эпиграфа (с. 296). И далее следуют сомнительные рассуждения о том, что только трудом «в поте лица своего» крестьяне «могут оправдать перед Богом свою грешную жизнь и заслужить милость Божью». Не дело исследователей сочинять гимны крестьянам или любым другим группам населения! Их обязанность — объективно анализировать источники и реалии прошлого. Поэтому приведем выдержки из источников и литературы об отношении крестьян Иркутской губернии к религии.

Разумеется, подавляющее большинство населения даже в начале XX века было религиозно. Но вовсе не до такой степени, как говорится в монографии. Приведем соответствующие оценки официальных лиц XIX – начала XX века.

В 1841 году чиновники, ревизовавшие Енисейскую и Иркутскую губернии, единодушно отмечали, что крестьяне «холодны к религии», «христианские обязанности исполняют больше из страха наказания, нежели по убеждению». Архиепископ Иркутский Нил в 1840-х годах писал: «Ныне же оскудением в народе благочестия, упало и первобытное значение монастырей». В Верхнеудинском округе в 1830–1850-х годах ежегодные исповеди пропускали от 40 до 75 % крестьян, а в Иркутске — от 30 до 63 % прихожан. Ведомости начала XX века о числе исповедавшихся в Иркутской епархии говорят о том, что это сделали лишь 52 % жителей региона. В 1916 году дьякон П. Макаров в статье, опубликованной в «Енисейских епархиальных ведомостях», писал: «Следует признать, что жители сибирских городов и деревень к вопросам религии вообще индифферентны» (3). Вместе с тем в монографии следовало бы отметить местные особенности бытования православия: почитание Иннокентия Кульчицкого, которого иногда называли даже «Сибирским Богом», Синесия и Герасима Иркутских и т. д.

Досадно, что авторами не использована книга А.А. Макаренко «Сибирский народный календарь», основанная на материалах Енисейской и частично Иркутской губерний. Преувеличивается авторами в главе 9 и трудолюбие местных крестьян. Конечно, лодырями они не были, но любили и умели также и отдыхать. Представители администрации и путешественники нередко обвиняли их «в лености», что иногда соответствовало действительности. В отношении и религиозности, и трудолюбия они сильно уступали «семейским» Забайкалья, хозяйствственные успехи которых и «ревность» к вере многократно отмечали и официальные лица, и этно-

графы. Более объективной характеристике крестьян притрактовой зоны помогли бы иркутские газеты, выходившие с 1857 года, но они в монографии не используются.

Жаль, что в книге отсутствуют подробные карты исследуемой местности. В монографии приведены дореволюционные карты, но низкого качества. Вероятно, следовало бы несколько уточнить название работы, например, дав ей такое: «Московский тракт (от р. Бирюсы до Иркутска)», поскольку посвящена она лишь небольшому отрезку тракта. В главах, посвященных событиям XVII века, несколько приукрашиваются действия русских казаков, против которых тогда много раз поднималось местное население. Вряд ли был смысл подробно рассказывать о борьбе за Албазин, расстояние от Иркутска до которого 1 200 километров и где китайские власти отстаивали свои земли от русских военных отрядов.

В целом же монография А.К. Нефедьевой и В.В. Тихонова дает подробное и разностороннее представление о Московском тракте, его развитии, заселении, трудовых традициях основной массы жителей Иркутской губернии, обитавших вдоль этой «большой дороги», и представляет собой ценный вклад в изучение истории нашего края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. С. 322.
2. Филиппова М.В. Роль природных факторов в земледелии Прибайкалья (XVII–XIX вв.) // Историко-географические исследования Южной Сибири. Иркутск, 1991. С. 55–58.
3. Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск, 2006. Ч. 2. С. 77–79, 221–224.

ОСКОЛКИ

Полина Сандр

Иркутская обл., Киренский р-н,
с. Банщиково, церковь иконы
Богородицы «Всех Скорбящих
Радость»*. 1889 г.

* * *

всю ночь
с черёмухи летящий цвет
уснуть мне не давал

* * *

талая вода —
пророс сквозь облако
подснежник

* * *

тихий плеск —
стряхивает ленок с хвоста
утренний туман

* * *

бабушкин сундук
в наследство
стебелёк лаванды

* Продолговатая форма храма в виде корабля выражает ту мысль, что мир есть житейское море, а церковь – корабль, на котором можно переплыть это море и достигнуть тихой пристани – Царства Небесного. Кроме того, указанная форма храма обозначает, что церковь спасает нас от вечной погибели, подобно тому, как Ноев ковчег спас от потопа людей, не отступивших от Бога.

* * *

купальская ночь —
с лунной дорожки сбиваюсь
на солнечную

* * *

утро на сеновале —
золотошвейка латает
ветхую крышу

* * *

в саду моём
твои следы заросли
незабудками

* * *

завтрак охотника
на дне котелка
солнечный зайчик

Иркутская обл., Киренский р-н,
д. Частых

Сорок медведей*

ружьё прадеда —
отсчитываю на прикладе
сороковую зарубку

Фамильное древо

прадедова деревня —
тянется к свету берёза**
сквозь крышу

* * *

Елю Эне***
бъётся о скальник вечный
крик стрижей

* Есть такая сибирская легенда: сорок медведей убивает охотник, а сорок первый медведй — охотника.

** Фамилия моих працедов произошла от слова «берёза», Березовские.

*** Елю Эне — эвенкийское название реки Лены, «большая река».

*дорога дедов
от паперти до алтаря
сухие листья*

Полина Сандр

*Иркутская обл., Киренский р-н, д. Мутина,
церковь Святителя Иннокентия. 1899 г.*

Об авторе: **Полина Сандр** родилась в 1964 году в Венгрии, в г. Будапеште. Родители — иркутяне. Деды и прадеды — выходцы из Тасеевского района Красноярского края и Киренского района Иркутской области. Более древние предки по мужской линии — родом из Центральной России, по женской — из Запорожской Сечи времен Острянина и Хмельницкого. Училась в Московском государственном университете культуры и искусства (библиотечное дело), но по специальности работать не пришлось. Жила в Грузии, Украине, в настоящее время живет в Москве. В журналистике прошла путь от корреспондента до главного редактора. Составитель энциклопедий для школьников и автор сборника статей по эзотерике. Кинодраматург и редактор телесериалов, фотолюбитель и знаток японской поэзии. Лауреат и дипломант конкурсов хайку, но, несмотря на это, называет свои стихи «осколками», а не «хайку», так как очень требовательно относится к японскому жанру на русском языке.

СРЕДСТВА НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ*

«Наша народная медицина (прародительница научной) настолько же стара, насколько стар и наш народ и его болезни. Он, имея постоянное общение с природой, отыскивал в ней и средства от болезней. Средства эти, передаваясь от одного поколения другому в течение тысячелетий, дошли и до нашего времени».

Дерево ольха мудрости достойно. Когда человек найдет омелу по нечаянности, взять ее целую, положить в горшок, парить трое суток, замазав плотно, подсластить медом, держать в стеклянной посуде, а не в деревянной, пить женщинам неплодным, будут рожать детей. Выпивши оного, пребыли б по естеству с мужьями. Выпьешь на молоде месяце — зачнется девица, а на исходе — мужеского пола.

Хрен. От шуму и глухоты раздробить на мелкие куски, поставить на один час (в теплое место), доколе из него сок выйдет, а как выйдет — сквозь ветошку пущать в уши по одной капле по 3 раза в сутки. Станет слышать.

Капустный лист. Кто голосом осипнет, иссушить оного зеленого листу, столочь, просеять, смешать с медом, пить, или яйцо смешать с белком и желтком, влить уксусу или вина, пить натощак.

Крапива. Если оную на жаровнике два или три раза хорошоенько накурить в комнате и оную запереть, а платье все вынести, то все клопы выведутся.

Трава вахта растет в болотах, лист большой, круглый, цвет белый, корень ее иссушить, стереть со свиным салом, таким, который был бы пятилетним. Этим мазать то место, где антонов огонь, то отгонит оный.

* Печатается по: Овчинников М.П. Материалы по народной медицине // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Иркутск, 1914. Вып. 2. С. 77–96.

Полынь, на камнях растущая. У которого человека черви внутри — взять той травы, положить в уксус, подсластить сахаром или медом, пить от тех червей, оные замрут.

Морошка. Листья варить в дождевой воде, полезно в ротуолоскать, зубные болезни утихают.

Репа. Кто имеет коросту на теле, варить и водой репной мыть, в которой она разварена. Вареная репа в молоке коровьем дает пространство женскому полу в детородии. Отваривать воду, пить с вареною репою, кашель утоляет, равно же с маслом деревяным, конопляным погуще развесть.

Трава ковылька, ростом велика, по ней как иглы коленцами, цвет мохнат, синий, растет по пахотным и другим местам, полезна от нечистова духа. Нужно держать во всякой хоромине и смешать в воск. Сей травы корень положить ради того, чтобы скот невредим был.

Трава сочина, собою бела, а листочки красненьки, цвет синий, растет по болотам, корень сладкий, полезна, ежели жена или муж умом помешаются, — пить в вине.

Трава змеица собой тонка, ростом не велика, цвет белый, растет в березняках, подле земляничника, а от земли мало знать. А если эту траву носить при себе, проси чего хочешь, положа оную себе под правую пазуху.

Лук кривой, называется огородный и слывет татарин. Если жены не плодны, во время месячных своих кровей есть тот лук натощак и учинить действие, рожать будут. Луку истолочь, выжимать сок и росу снимать по утрам, тереть утробы и естество. Луковый сок и та вода кровное течение удерживает у жен, или у кого течет из носу кровь, взять хлопчатую бумагу, в ту воду мочить, класть в ноздри; течение уймется.

Трава сводная, называемая какушник (*saturium*), растет по березнякам, цвет синий, иной пестрый, листочки долги, наподобие язычка, корни длинные, один мужеский, другой женский. Если муж жену не любит, то дай ему пить женского и он начнет ее любить, и наоборот. Мужской корень белый, а женский смуглый.

Трава одиночек, именем холостой. Выкопай корень этой травы июня 20 дня, высуши и истолки. Пить в меду, пиве и вине. Если той травы пьет, кто мыслить на чужие жены пожелает к совокуплению естественному, с радостию на сие склоняются. Знать ее по тому: растет по лугам, стебель одинокий, на верху у ней четыре листа, а на листах — по одной ягодке.